В 110 странах мира работают сегодня выпускники Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. 13 тысяч специалистов выпустил за четверть века этот интернациональный вуз. Фоторассказ об УДН смотрите на с. 6—9.

На снимке: студенты на занятиях в геологическом кабинете.

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 2/85
Февраль

ISSN 0131—5994

В НОМЕРЕ:

СОФИЯ. 1968.

IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Софии с 28 июля по 6 августа 1968 года. 18 тысяч юношей и девушек представляли 137 стран. Лозунг фестиваля: «За солидарность, мир и дружбу!»

«Фестивальное движение еще раз показало и будет показывать свою мощь, свой динамизм и свою жизнеспособность. Дух фестиваля, его идеалы объединяют все более многочисленные, все более разнообразные, все более мощные силы, чем когда-либо ранее».

Из Обращения к молодому поколению мира, принятого на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии

ШАГИ

ГОВОРЯТ ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ ФЕСТИВАЛЯ

Алексей ЛЕОНОВ, советский космонавт: «Как мы с вами решим, так и будет на ближайшие 40 лет...»

Валентина НИКОЛАЕВА-ТЕРЕШКОВА, первая женщина-космонавт: «Уверена в том, что главные идеи фестиваля — идеи солидарности, дружбы, мира — найдут путь к сердцам всех молодых людей нашей планеты».

У ТАН, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций: «Я понимаю, что важнейшая цель фестиваля — утвердить самые светлые идеалы мира и дружбы между народами. Нахожу, что это вполне соответствует Уставу ООН, так как согласно букве и духу этого документа от стран — членов ООН требуется жить в мире, добрыми соседями. Иными словами, один из главных мотивов основателей ООН в 1945 году был: страны — члены Организации Объединенных Наций должны жить в мире. Это находится в полном соответствии с целями ВФДМ и МСС, чья важнейшая задача состоит в том, чтобы укреплять мир и дружбу между народами во второй половине XX века ради мирного сосуществования. Я твердо убежден, что эти цели и идеалы мира и дружбы не только необходимы, но и обязательны, если мы хотим построить будущее в духе Устава ООН».

Анна ЗЕГЕРС, немецкая писательница (ГДР): «Если город или местечко, откуда на фестиваль отправляется делегат, находится в стране земного шара, в которую вонзил свои когти фашизм, то без большого напряжения фантазии вы сможете себе представить, сколько надо приложить хитрости и изворотливости, чтобы какой-то нелегальной молодежной организации удалось на средства друзей, собранные зачастую с большой опасностью, послать своих представителей».

Оскар НИМЕЙЕР, бразильский архитектор: «Молодым людям, собравшимся в Софии, я выражаю чувство солидарности в их борьбе против войны, социальной дискриминации и нищеты. Чувствую себя глубоко связанным с этой борьбой и как сын бразильского народа разоблачаю североамериканский империализм, вмешивающийся в культурную и экономическую жизнь наших стран. Выражаю твердую уверенность в том, что люди добьются лучшего общества — общества мира и равенства!»

ХРОНИКА ФЕСТИВАЛЯ

● Гимназия на улице Славкова. У входа золотом на мраморе горят имена ее воспитанников, отдавших жизнь за освобождение родины. На мемориальной доске слова Христо Ботева: «Кто пал в бою за свободу,— не умирает». Здесь, в гимназии № 22, разместился «вьетнамский центр» фестиваля. Первый этаж гимназии занимает фотовыставка «Вьетнам победит». На втором этаже — экспозиция работ, выставленных делегациями разных стран, ВФДМ и МСС. Она рассказывает, как молодежь мира помогает вьетнамскому народу добиться победы. Четвертый класс «Б» пока закрыт. Рядом с партами, сдвинутыми в угол, не совсем обычные экспонаты. Обломки вражеских самолетов, сбитых отважными защитниками Ханоя и Хайфона. Здесь же кольца, вазы, статуэтки, выточенные вьетнамскими мастерами: их руки, привыкшие к оружию, не утратили искусства созидать прекрасное. Посетители смогут купить эти волнующие сувениры. Собранные средства пополнят фонды каравана солидарности: участники IX Всемирного собираются отправить его из фестивальной Софии во Вьетнам.

● В одну из больниц Софии пришли 15 юношей и девушек из американской делегации. «Где у вас можно сдать кровь?» — спросили они. Сестра записывает их имена в книгу доноров. Они уже не впервые сдают свою кровь в фонд борющегося Вьетнама.

● Делегаты IX Всемирного заявили о своей солидарности с народами Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса, Южной Африки, Юго-Западной Африки и Зимбабве, борющимися против колониализма и расизма, за национальную независимость.

ДОРОГИ НА ФЕСТИВАЛЬ

● Кумар Суреш живет на далеком экзотическом острове Маврикий. «Поездка в Софию,— рассказывает Кумар Суреш,— даст нам возможность открыть для маврикийской молодежи окно в мир, которого она практически до сих пор не знала, приобрести новых друзей. Опыт развития социалистических стран важен для нас. С этим опытом наша делегация познакомится здесь, на фестивале».

● Арабский юноша Мохаммед абу Шеля моряк. За месяц до фестиваля он нанялся на греческое судно, плавающее под либерийским флагом. Судно приняло на борт груз и взяло курс на Вьетнам. Как выяснилось во время плавания, это было оружие для армии США. Итак, греческое судно под либерийским флагом с грузом американского оружия плывет во Вьетнам... Было над чем призадуматься. И тогда Мохаммед решился на дерзкий шаг. Он незаметно сфотографировал оружие и в первом же порту отнес снимки в местные газеты. Надо ли говорить, что инициаторы воровской операции по переброске оружия не рассчитывали на столь широкую рекламу... Месть была жестокой. Мохаммеда зверски избили.

ФЕСТИВАЛЯ

МОСКВА. 1985.

МОСКВА. Состоялось III заседание Международного подготовительного комитета [МПК] XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в котором участвовали представители национальных подготовительных комитетов из 112 стран, а также 28 международных, региональных, студенческих и правительственных организаций. На заседании было отмечено, что размах и высокая активность ведущейся сейчас во всех уголках планеты подготовки к московскому форуму, широкий спектр политических и общественных организаций, участвующих в этой работе, свидетельствуют о всемирном характере фестивального движения, об актуальности для молодежи планеты его целей и лозунгов.

САНТЬЯГО. В Чили создан Национальный подготовительный комитет, в который входят представители молодежных организаций различной политической ориентации и профсоюзов, деятели культуры. «Режим Пиночета обрушивает на борцов за демократию все новые репрессии,— сказал, выступая перед журналистами, вице-президент ВФДМ, представитель Чили в бюро ВФДМ Мануэль Эрнандес.— Средства массовой информации извращают миролюбивую политику Советского Союза, насаждают в стране антикоммунизм и антисоветизм. Но события последних месяцев показывают, что Пиночет все меньше способен контролировать внутриполитическую обстановку в Чили». Мануэль Эрнандес отметил, что чилийская молодежь считает подготовку к фестивалю составной частью борьбы против фашистской диктатуры, за демократизацию политической жизни в стране. Несмотря на запрет, пропаганда фестиваля идет полным ходом: о целях и идеях предстоящего форума рассказывают издаваемые нелегально в университетах студенческие вестники и листовки. Фестивальному движению посвящены передачи подпольных радиостанций патриотов. В рабочих клубах проходят лекции, которые знакомят молодых чилийцев с историей фестивалей и Советским Союзом.

ДАМАСК. Заместитель председателя НПК Сирии, член руководства Союза молодежи революции (СМР) Ибрагим Заарур отметил ту большую поддержку, которая оказывается фестивальным инициативам НПК со стороны правящей Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) и правительства республики. Большое внимание пропаганде форума молодежи уделяют средства массовой информации. Материалы молодежных газет рассказывают об истории фестивального движения, о советской молодежи. Мероприятия в поддержку идей фестиваля проходят на фабриках, в деревнях, в школах, университетах. Ибрагим Заарур отметил значение того факта, что XII Всемирный состоится именно в Москве: «Миролюбивая политика Советского Союза, его вклад в дело укрепления мира на нашей планете известны всем,— сказал он.— Советский Союз ценой жизни миллионов своих сыновей спас мир от фашизма, 40-летнюю годовщину Победы над которым весь мир будет отмечать в мае 1985 года. Москва заслужила право быть хозяином XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов».

СМОТРИТЕ: Советские солдаты, наследники легендарной народной Красной Армии, помнят подвиги своих отцов и дедов на фронтах гражданской и Отечественной войн, при охране государственной границы. Помнят, гордятся ими, равняются на них. Свою трудную службу они несут сегодня в условиях сложной международной обстановки, возросшей военной угрозы, острейшей идеологической борьбы, помня указание В. И. Ленина о том, что свои шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей боевой готовности. Ныне Советская Армия вместе с армиями стран социалистического содружества является не только гарантом созидательного труда, но и гарантом всеобщего мира на земле.

На снимках — молодые воины 80-х годов, солдаты и офицеры армий государств — членов Организации Варшавского Договора на совместных учениях «Щит-84» на территории ЧССР.

Фото Д. ГЕТМАНЕНКО

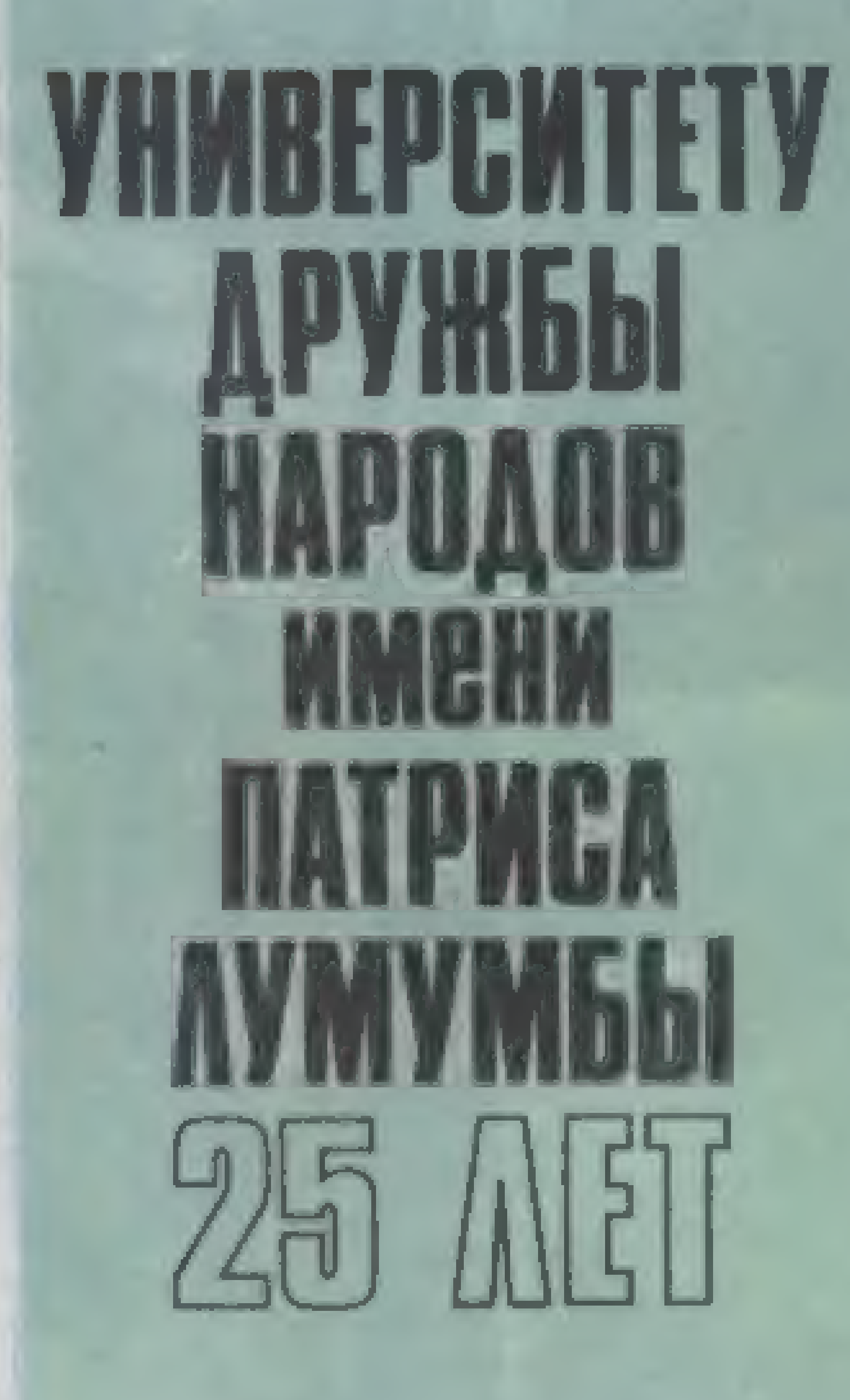

ЭММАНУЭЛЬ КОЛАВОЛЕ, Бенин. Я всегда помню слова Патриса Лумумбы о том, что Африка еще напишет свою историю... историю славы и достоинства. Эти слова он сказал перед своей гибелью. Имя великого сына Африки давно перешагнуло границы нашего континента. И мы, студенты, гордимся тем, что наш Университет, расположенный в центре Европы, в одном из красивейших городов мира, носит славное имя Патриса Лумумбы.

И вот что мне, «старожилу» и «ветерану» Университета,

УНИВЕРСИТЕТУ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ 25 ЛЕТ

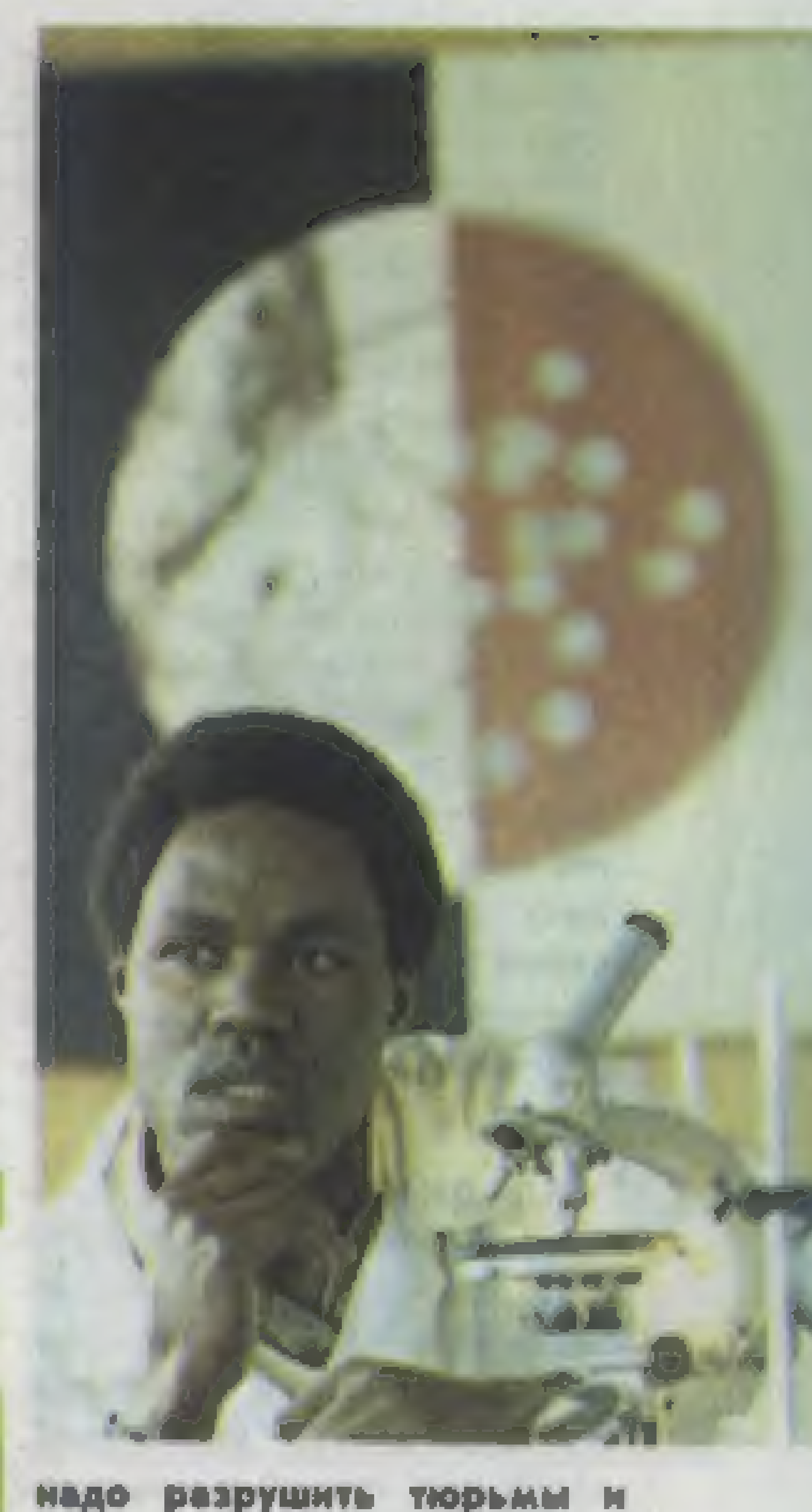
хотелось бы сказать тем, чья студенческая жизнь в стенах нашего вуза только начинается.

Братья и сестры из развивающихся стран! Вы только поступили в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Вы много слышали об этом учебном заведении, в том числе и грязную буржуазную клевету. Вам здорово повезло, что вы сюда приехали! Наверное, вам будет трудно привыкать и к новому укладу жизни, и к суровому, по нашим понятиям, климату, но скоро вы

Дорогие читатели «Ровесника», мы, журналисты-лумумбовцы, очень рады этой новой встрече с вами. Да еще по такому прекрасному поводу, как 25-летие нашего Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Мы решили, что никто лучше не расскажет об учебе, заботах, мыслях, досуге членов нашей многонациональной студенческой семьи, чем мы сами. Так, с помощью фотокорреспондента «Ровесника» Е. Стецко родился этот коллективный рассказ о нашей alma mater.

поймете, что образование, которое вы здесь получите, сыграет огромную роль не только в вашей личной судьбе. Ваши знания помогут народам ваших стран одержать полную победу в борьбе за независимость, за развитие по пути экономической и социальной справедливости. Приступив к самостоятельной работе, вы поймете, что счастье и удовлетворение приходят тогда, когда ты бескорыстно и самоотверженно служишь своему народу, а не закрываешь глаза на его страдания.

Здесь, в УДН, у нас есть все условия, чтобы стать высококвалифицированными специалистами. Не забывайте о том, что мы, выпускники УДН имени Патриса Лумумбы, будем творцами новой истории развивающихся стран, о которой говорил Патрис. Выпускник УДН — почетное звание. Мы должны быть достойны его.

ГЕОРГИОС ФРАНГОС, Кипр. На Кипре я много читал о пролетарском интернационализме, знал исторические примеры пролетарской интернациональной солидарности. Когда я приехал в Москву учиться в Университете дружбы народов, когда я вошел в нашу многонациональную студенческую семью, я вдруг увидел, почувствовал, ощутил на себе, что же это такое — пролетарский интернационализм. Это — единство, дружба, взаимопомощь, короче — это повседневная жизнь нашего Университета.

Хочу рассказать одну историю. В прошлом году, после сессии, мы с друзьями решили отпраздновать успешную сдачу экзаменов. Я убрал комнату и стал слушать греческие песни. Пришел мой друг Хосе из Сальвадора. Я сразу заметил, что он чему-то очень рад. Оказывается, партизаны освободили его деревню и продолжают наступление. Он поставил новую кассету, и я услышал песню «Народ единый». Хосе тихо подпевал, а я пожалел, что не знаю испанского языка. Потом дверь открылась, и появился наш советский друг Сергей. В последние дни он все время улыбается. «Ребята, завтра еду домой!» — радостно говорит он. Сергей уезжает на каникулы к родителям на Украину. Наша компания почти вся в сборе. Нет только ливанца Али. Заходит незнакомый студент и говорит, что Али не придет, потому что ему сообщили из Бейрута, что его брат тяжело ранен. В комнате становится тихо. Сначала мы решаем пойти к Али. Нам кажется, что в таких случаях человеку необходима поддержка друзей, дружеские слова. Но Хосе говорит, что лучше оставить Али сейчас одного. Мы ставим кассету с ливанской песней, в которой поется о том, что надо разрушить тюрьмы и построить больницы и детские сады. Сергей просит Хосе спеть что-нибудь. Хосе берет гитару, смотрит на меня и говорит: «Знаю, о чем ты думаешь. Ребята, давайте споем эту песню с одним желанием, чтобы Кипр был единым, без всяких империалистических баз!» Он поет песню «Венсеремос», а мы подпеваем ему. Кажется, что в этот момент маленькая комната в общежитии Университета дружбы становится шире и шире. В эту комнату может войти все человечество. Пока живет в мире Хосе из Сальвадора, Сергей из Советского Союза, Али из Ливана, человечество может надеяться. А нас, лумумбовцев, очень много! И в этом — главное значение нашего Университета.

ФАРИД ХАТЕМ АЛЬ ШАХАФ, Сирия. Прошлым летом я ездил на каникулы домой и встретил знакомого выпускника нашего Университета. Он защитил диплом агронома несколько лет назад. И теперь во время работы выяснилось, что у него знания по специальности и глубже и шире, чем у коллег с дипломами западных вузов. Кроме того, все удивлялись его желанию помочь, подсказать коллегам пра-

вильное решение. Как я понимаю, удивлялись его чувству товарищества, которое воспитал в нем наш Университет.

Я, когда слушал рассказ моего знакомого, думал: действительно, где же еще могут быть такие прекрасные условия для профессионального и нравственного формирования молодого специалиста, как в УДН.

Есть такая арабская пословица: «Собаки лают, а караван идет». Как бы ни старались буржуазные клеветники, они не могут остановить рост международного престижа Университета дружбы, помешать его благородной и очень нужной деятельности.

ВЛАДИМИР МЕХИЯ, Коста-Рика. В Университете дружбы народов учатся молодые люди со всех концов земли. Все мы одна семья, и она растет из года в год. Мы видим, что у нас, людей разных национальностей, разного цвета кожи, много общего, и самое главное общее желание — помочь своим народам избавиться от угнетения, неграмотности, болезней. Никогда в жизни теперь никто из нас не поверит в проповедь расизма, не поддержит дискриминацию и национальную рознь.

К сожалению, каждый коста-риканский студент должен считаться с тем, что в нашей стране существуют политические предубеждения по отношению к тем, кто окончил вузы в социалистических странах, им бывает нелегко найти работу. И причина не всегда в том, что у нас в стране безработица. Мы все знаем об этом и стараемся за время учебы хорошо овладеть выбранной профессией, чтобы своими знаниями пробить стену предубеждения.

БАДРИ ПРАСАД ПАУДЬЯЛ, Непал. В Непале высоко ценят деятельность УДН. Член королевской правительственной национальной плановой комиссии Г. П. Лохани так написал о важной роли в социально-экономической жизни страны выпускников УДН: «Университет внес ощутимый вклад в подготовку высококвалифицированных кадров для различных отраслей хозяйства Непала, особенно это касается инженерного дела и медицины, а также других областей, где наша экономика чувствует их критическую нехватку. Более ста непальских специалистов, окончивших Университет, с энтузиазмом, энергией и преданностью служат своей стране...»

Мой дядя Ачутананда Бхан-

дари в 1970 году закончил инженерный факультет УДН с отличием. Он вернулся домой, рассказал нам о жизни, об учебе в Университете, показал свои альбомы с фотографиями, на которых я увидел молодых людей со всех концов земного шара. У моего дяди много друзей, которые, как и он, окончили советские вузы. С тех пор у меня появилась мечта учиться в УДН. Я счастливый человек, потому что моя мечта осуществилась.

МАНУЭЛЬ РОДРИГЕС, Чили. Мне было 15 лет, когда я прочитал в буржуазной газете «Эль Меркурио», добивавшейся в свое время свержения правительства Народного единства, что в Советском Союзе существует университет, который готовит не специалистов с высшим образованием, а партизан и международных террористов, которые будут совершать диверсии в развивающихся странах. Прошли годы, и я стал студентом этого

«военного» университета. Все, что я прочитал в «Эль Меркурио», разумеется, было ложью от начала до конца. Действительно, в УДН учатся студенты из почти всех развивающихся стран, но учатся они строить, а не разрушать, учатся лечить, а не убивать людей. Я понял, что моей главной задачей как журналиста станет разоблачение лжи об СССР, которой наводнена буржуазная пресса.

Мой УДН никогда не был и не будет военным учебным заведением. Но от этого он не менее опасен для господ капиталистов, потому что он учит нас отличать правду от лжи, нести эту правду людям.

СУ КЕТЬЯ, Кампучия. Чтобы жить, необходимо работать. Труд дает нам не только хлеб, но и жизненный опыт. Наш Университет — не только школа знаний, но и школа труда. Работая в студенческих стройотрядах, мы приобретаем трудовые навыки, познаем жизнь.

ЛОК ДО ТХАНГ, Мадагаскар. Мой Университет. Каждый из нас, студентов, говорит об Университете дружбы народов «мой» или «наш», потому что он был построен для нас, молодежи развивающихся стран, потому что в этом интернациональном коллективе мы чувствуем себя как дома. Здесь мы проходим школу жизни в коллективе. Мы, студенты УДН, представляем почти весь мир. Мой университет — это мир в миниатюре. Его жизнь и работа полностью соответствует названию — Университет дружбы народов.

В ДОСЬЕ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРИБУНАЛА НА XII ВСЕМИРНОМ

Это стало традицией: собираясь на всемирные фестивали, молодежь обвиняет и судит империализм. Но это не просто традиция: суд над империализмом, разоблачение его преступной сущности — жизненная необходимость, которую молодежь особенно глубоко осознала на страшном опыте второй мировой войны, когда в результате чудовищного преступления империалистических сил были загублены десятки миллионов молодых жизней, исковерканы сотни миллионов молодых судеб.

Именно осознание преступной природы империализма, смертельной опасности, которую он несет всему человечеству, привело молодежь в послевоенные годы на I Всемирный фестиваль в Прагу и с тех пор, вот уже в течение почти четырех десятилетий, регулярно собирает под фестивальными лозунгами антиимпериалистической борьбы сменяющие друг друга молодые поколения планеты.

По сути дела, не только проходящие в рамках всемирных фестивалей антиимпериалистические трибуналы, но и вся фестивальная программа от первого до последнего дня, каждое из многочисленных фестивальных мероприятий — это разоблачение и обвинение империализма, поиск путей противостояния и отпора коварным империалистическим замыслам, определение средств борьбы с его враждебными миру и прогрессу народов планами.

Вот почему, обсуждая программу XII Всемирного фестиваля, который состоится летом 1985 года в Москве, Международный подготовительный комитет (МПК) на своем третьем заседании в качестве органической составной московской встречи молодежи мира предусмотрел проведение антиимпериалистического трибунала.

Подобная акция дает молодежи возможность получить не общее, а конкретное представление о бедах, которые несет империализм, чьи преступления против человечества имеют особенно трагические последствия для тех, кто, едва вступив в сознательную жизнь, сталкивается с вопиющей несправедливостью, жестокой эксплуатацией, расовой ненавистью, бессовестным обманом, словом, покушением буквально на все права молодого человека, включая право на саму жизнь.

Открывая в этом номере «Ровесника» новую предфестивальную рубрику «В досье антиимпериалистического трибунала на XII Всемирном», мы публикуем подборку очерков, статей, документальных материалов, охватывающих разбросанные во времени и пространстве события, из которых читатель может получить представление о том, как империализм цинично обманывал и обманывает поколения молодежи, вовлекая их в свои преступные дела.

Иметь четкое представление об изощренных приемах

Предательство

Дж. ЛЕКЭРР,
английский писатель

Фейсал-отец — темный, приземистый, сдержанный, жесткий взгляд, чаще в сторону или в дым сигареты, которую держит за самый кончик, как термометр. Я не сразу заметил, что он хромает. Мы в его крохотном доме, где он живет с женой и тремя детьми. Фейсал показывает мне красный банкнот достоинством в сто шекелей, который израильские солдаты дали его пятилетнему сыну за то, что он сказал, где находится отец.

Всю сознательную жизнь Фейсал сражался и большую часть детства тоже. После израильской оккупации 1967 года ушел из родного дома в Наблусе на Западном берегу реки Иордан и вступил в Организацию освобождения Палестины (ООП). Когда его спрашивают, что он умеет, обычно Фейсал отвечает, что был инструктором по взрывным механизмам. Когда израильтяне начали осаду Бейрута (1982 год), он принимал участие в боях.

Дом у Фейсала крохотный и холодный в недостроенном массиве для бедных семей, где ООП снимает помещения для тех немногих счастливчиков, у которых есть семьи. В комнате три кровати и телевизор, стены пахнут цементом, за окном на замусоренной дороге неуклюжий мальчуган жмет на педали велосипеда, он тянет каталку с ребенком-калекой, желая немного его развлечь. Жена Фейсала, Фатима, полная женщина, в отличие от мужа не любит сдерживаться, говорит порой с обескураживающей прямотой. У них двое сыновей — Махмуд и Халил. Важно помнить, что Махмуду шесть лет, а Халилу пять. Махмуд выглядит взрослым и мужественным, тогда как Халил, добродушный толстяк в вельветовых штанишках, похоже, еще не вышел из детского возраста. Другой ребенок, крепкая и неулыбчивая девочка трех лет, Салман,— единственный персонаж в этой истории, оставшийся без роли.

Сначала разговор ведет Фейсал, но, едва речь заходит о случившемся с семьей, когда

[illegible] нравственного развращения молодежи, которыми пользуются для достижения своих целей империализм, тем более необходимо [illegible] сегодня [illegible] приобретает все больший размах [illegible] все более [illegible].

[illegible] которой рассказывается [illegible] для родной страны [illegible] трагической судьбой [illegible] идеалам справедливости и свободы [illegible] сегодняшних призывах к «крестовому походу» против социализма.

«Мы стыдимся нашей жизни» — эта строка, вынесенная в заголовок другого материала, взята из письма одного из отчаявшихся и начавших прозревать молодых немцев, [illegible] первого в мире социалистического [illegible] гитлеровцев создаются неонацистские формирования, [illegible] довой идеей реванша.

Вот почему суд над империализмом [illegible] не только [illegible] преступления, это предостережение против новых, еще более [illegible]

Место действия Ливан. Время действия: 1982 год. [illegible] сии. Израиля против Ливана, целью которой было истребление палестинского народа, уничтожение ливанских национально-патриотических сил. Весь мир был потрясен массовыми зверствами израильских оккупантов, убивавших женщин и детей. Т[illegible]да и появилась эта фотография, напечатанная многими буржуазными изданиями: израильский оккупант протягивает фляжку с водой раненому арабскому патриоту. Назначение этой фальшивки — создать впечатление, будто агрессор вовсе не так свиреп и беспощаден, будто ставшие достоянием мировой общественности факты зверских расправ с мирным населением не столько сионистская политика выжженной земли, сколько случайные эксцессы войны. А вообще-то смотрите, как он благороден — израильский завоеватель, и забудьте, зачем он вторгся на чужую землю.

он воевал, и позже, когда ему пришлось покинуть Ливан и оставить жену и детей в Западном Бейруте, повествование перехватывают Фатима и Махмуд.

Я пробыл у Фейсала пять часов. То, что я услышал, это история ужаса, масштабы которого трудно представить.

История начинается 21 июля 1982 года. Западный Бейрут тогда сильно обстреливали. Фейсал воевал, жена и трое детей, Махмуд, Халил, Салман, остались в квартире на восьмом этаже в одном из домов в квартале Абу-Шакир в Западном Бейруте. Когда бомбардировка и артобстрел усилились, они решили перебраться на второй этаж, в квартиру, где жила знакомая семья. Любимицей Махмуда в той семье была молодая беременная женщина. Когда Фатима и дети вошли, она готовила на угольной жаровне чай отцу, потом, в ожидании, пока чай заварится, присела на диван. Шестилетний Махмуд, давно принявший на себя обязанности ее защитника, сел на полу рядом. Он сидел там, когда в стену, у которой стоял диван, попала ракета. Голова женщины раскололась, мозги выплеснулись на Махмуда. Пол провалился, и все, кто был в комнате, оказались на первом этаже.

Халил получил ожоги фосфором, Махмуд — сильные ушибы и переломы. Мать и трехлетняя девочка чудом не пострадали. Махмуд и Халил оказались под обломками. Халил плакал и звал на помощь. Махмуд терпеливо молчал. Прибыли спасатели. Фатима сама вытащила Халила из-под обломков.

Я спросил Халила, о чем он думал тогда. Его беспокоили две вещи: что убило его брата и что из их квартиры на восьмом этаже улетел холодильник. Удивление, взрыв, падение каким-то образом совместились у него в четкий образ холодильника, плывущего через улицу в дом напротив. Он рассказывает сдержанно, но потом увлекается, на мгновение освободившись от гнета семейного недоверия, под которым он сейчас [illegible]

Как и младший брат, Махмуд сохранил о взрыве яркие воспоминания. Он рассказывает жестким, по-военному отрывистым голосом, сидит прямо, все время переплетая пальцы. Он обладает нервной и даже неистовой впечатлительностью, быстро возбуждается, что обычно для детей, переживших ужас. Он помнит, как крикнул: «Ум Надир!» — так по арабской традиции он обращался к убитой женщине. Он говорит, что помнит свой голос и что пыль и песок засыпали ему лицо.

Здесь в историю вновь вступает Фейсал-отец. Узнав, что их дом разрушен, он прямо с фронта поспешил туда. Уверенный, что семья погибла, Фейсал разыскал кого-то из соседей и просил сказать ему всю правду. Сосед сообщил, что вся семья в госпитале. Фейсал кинулся в госпиталь. Узнав, что все живы и относительно невредимы, [illegible] тотчас вернулся в свой отряд. Я спросил его, что он чувствовал, снова покидая семью. «Такая их доля,— сказал он.— Погибнуть или остаться в живых. Если не они, значит, кто-то другой».

В госпитале Махмуду и Халилу оказали медицинскую помощь. Махмуд получил серьезные ранения и находился в тяжелом нервном шоке. Но госпиталь был переполнен: люди лежали в коридорах. На следующее утро Фатима с детьми вернулась к разрушенному дому. Она вытащила из-под обломков одеяла и продукты, и весь следующий месяц они жили в бомбоубежище.

Не было воды, не хватало продовольствия. Западный Бейрут был в блокаде. В городе отчаянно не хватало воды. Едва на улицах включались водопроводные краны, как израильтяне усиливали обстрел. Так считает Фатима, и не без оснований. Во время экспедиций за водой для своих детей ее дважды ранило. В первый раз — осколком в живот, он так и остался в ней. Во второй — в плечо.

12 августа после одиннадцати часов обстрела с моря, земли и воздуха Израиль в одиннадцатый раз объявил о «прекращении огня». 20 августа израильская армия оставила бейрутский порт, а 22 августа по приказу командования ООП с первой группой бойцов, направлявшихся в Тунис, Фейсал покинул Бейрут. Несколько дней спустя Фатима подобно другим гражданским беженцам вышла из убежища налаживать мирную жизнь. Договор о прекращении огня покуда соблюдался Израилем. ООП временно разместила Фатиму и детей в одном из бывших офисов в районе Факхани. Фатима не знала тогда, вплоть

до того вечера две недели спустя, когда израильские солдаты выбили дверь и ворвались в дом, что их поселили в бывшем офисе ООП.

Дата важна. Они пришли 15 сентября 1982 года, на следующий день после взрыва в штаб-квартире фалангистов[1] в Восточном Бейруте, когда погибли президент Ливана Жмайель и еще пятьдесят человек. Через два часа после сообщения израильские солдаты вошли в Западный Бейрут, и 15 сентября, к ужасу жителей и несмотря на твердые гарантии США, они уже контролировали все основные перекрестки и дороги. 15 сентября — это также день накануне страшной резни в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила. Фалангисты оставались в лагерях до 18 сентября и днем и ночью при свете израильских осветительных ракет убивали палестинцев.

Их было человек десять, рассказывает Фатима. Одетые в пятнистую маскировочную форму, в высоких ботинках, вооруженные автоматами. Услышав стук в дверь, она с детьми забилась в угол и крикнула, чтобы они уходили. Но дверь выбили, и шесть человек вошли в комнату. Один из них схватил Фатиму за волосы, другой скрутил руки, двое оттащили от нее детей, остальные занялись обыском. Самой ценной вещью у Фатимы был портфель: украшения, деньги, документы и медицинская карточка. Солдат вырвал портфель из ее рук. Он его даже не открыл. Израильские солдаты допрашивали Фатиму на иврите, она отвечала: «Не знаю. Не знаю»,— по-арабски.

Пока ничего страшного не случилось, затем был найден солдат, знавший по-арабски. Израильтяне снимали со стен фотографии и топтали их ногами. Шестилетний Махмуд вырвался из рук державшего его солдата и потребовал повесить фотографию отца на прежнее место. Как утверждает мать, он даже закричал: «Революция до победного конца!» — когда его сбили с ног и ударили. Меня тоже били, рассказывает Фатима, наотмашь по лицу. На вопрос: «Где ваш муж?» — она ответила, что он был зеленщиком, но он умер Ее опять ударили, потом они взялись за Махмуда: «Где твой отец? Где твой отец?» Раны мальчика после взрыва в доме не зажили, он не совсем окреп, но смело повторил ответ матери: «Он был зеленщиком, но он умер».

Вдруг все пошло не так. Халил, молча наблюдавший, как бьют мать и брата, решил вмешаться. Возможно, причиной тому было отчаяние: он не мог допустить мысли о смерти отца. Возможно, он был удивлен ложью матери и брата. Возможно, хотел спасти мать и брата от побоев. Или попросту боялся, что следующим будут бить его, страх, объяснимый в любом возрасте, тем более в пять лет. Халил об этом ничего не сказал. Он предпочитает улыбаться и с каждым старается завести дружбу — такой у него характер. Единственное, что можно сказать наверняка, это то, что Халил, по мнению родителей, в свои пять лет предал революцию.

— Мой отец не умер,— сказал он.— Мой отец уехал с бойцами на машинах. Он герой.

В отчаянной попытке поправить дело Махмуд вновь выскользнул из рук солдата, чтобы опровергнуть катастрофическое признание брата: «Мой отец был зеленщиком, и его убили». На этот раз Махмуд и сам невольно выдал тайну. Среди арабских слов со значением «убили» он использовал эмоционально окрашенное, близкое по смыслу и слову «пал», что по терминологии палестинцев означает: убит в борьбе за возвращение родины.

Солдаты грубо схватили Фатиму и Махмуда, завязали им глаза. Они завязали глаза и трехлетней девочке. Фатима рассказала, что для этой цели использовались черные круги из толстой резины, по форме напоминавшие очки. Их выволокли на улицу, на Махмуда обрушился сильный удар, чем и от кого, неизвестно. Но на лбу остался шрам.

Потом они ехали в «какой-то бронемашине». Там была еще одна женщина с тремя детьми. Халилу, «хорошему мальчику», глаза завязывать не стали. Его усадили в кабине, рядом с шофером, угостили шоколадом и пепси, и даже, как он по-прежнему хвалится, банкой пива. А за то, что Халил сказал правду об отце, ему дали банкнот в сто шекелей, который отец теперь демонстрирует как свидетельство особо изощренного оскорбления.

Из разговора мне стало ясно, что в кабине шофера, получая удовольствие от новой роли информатора, Халил выдал и нечто еще. Например, где прятался Абу Наср. (Правда, Абу Наср, кто бы он ни был, уже переехал в другое место, как позже выяснили израильтяне, отправившиеся по указанному адресу.) И еще, что у отца есть прекрасное ружье с телескопическим прицелом.

Бронемашина остановилась, и повязки сняли с глаз. Пленники увидели, что находятся на бейрутском стадионе. Уже стемнело, и в небе зажглись осветительные ракеты.

В ту ночь 15 сентября стадион стал ареной ужаса, учиненного фалангой при попустительстве израильтян. Кругом группами стояли арестованные, из динамиков мужской голос говорил по-арабски. Фатиму с детьми подвели к яме — результат взрыва бомбы, а может, яму вырыли специально, Фатима не знает,— заставили спрыгнуть вниз.

Фатима и Махмуд нуждались в срочной медицинской помощи. Помимо прежних ран, новые раны, нанесенные Махмуду, кровоточили, глаза от удара по голове заплыли.

Фатима не сразу поняла, что их передали фалангистам, так как форма у израильтян и фалангистов была очень похожа. У нее осталось впечатление, что израильтяне со своими бронемашинами все время присутствовали где-то рядом, но утверждать этого не стала: просто она их чувствовала, призналась Фатима.

Яма была округлой формы, примерно пять метров в диаметре и полтора метра глубиной. В десяти метрах от нее стояли два желтых бульдозера. По обе стороны от ямы выстроились десять-двенадцать мужчин с завязанными глазами. Яма была переполнена женщинами и детьми — примерно человек сорок. Среди них Фатима увидела Ум Али, чей муж, Абу Али, был галантерейщиком. Солдаты, вооруженные автоматами, стояли вокруг.

Громкоговорители передали приказ: женам бойцов ООП надлежало собраться по одну из сторон ямы.

Игнорируя приказ, никто не двинулся с места Но фатальное признание Халила уже установило «виновность» Фатимы, ей и детям было приказано выйти из ямы, и с помощью ударов их перевели в группу примерно из десяти женщин, среди которых была и Ум Али. Фатима наконец увидела, кому принадлежал голос из громкоговорителя. Он был в маске, с автоматом, в пятнистой форме. Маска полностью скрывала лицо. Он ходил среди арестованных мужчин и кивал на некоторых из них. Среди отобранных им людей Фатима узнала Абу Али и его семнадцатилетнего сына. Когда их вели, жена Абу Али, Ум Али, вышла из группы женщин и просила солдат пощадить ее сына. Абу Али загородил его собой и умолял взять у него жизнь в обмен на жизнь сына. Солдат ударил Абу Али топором. Когда, умирая, он падал, сын, по-прежнему с завязанными глазами, успел поддержать отца, но в этот момент топор опустился и на него.

— Их убили первыми,— сказала Фатима просто.— Остальных убили ножами, некоторых тоже топорами, некоторых из автоматов. Трупы бросали в другую яму в пяти метрах от места убийства.

Израильские осветительные ракеты по-прежнему висели над головой, в их свете бульдозеры засыпали тела, человек в маске сообщил женщинам, что скоро и их постигнет такая же участь.

Кругом все еще убивали, рассказывала Фатима, но стали прибывать машины, и солдаты спешно рассаживались в них. В этом хаосе ей и другим женщинам и детям удалось бежать. Фатима и ее дети не были единственными, кому удалось бежать в ту ночь со стадиона, другие свидетели независимо друг от друга описали свой побег примерно так же.

В госпитале скорой помощи при теологическом центре в Западном Бейруте Фатима и Махмуд получили необходимую медицинскую помощь. Но госпиталь Фатима покинула в израильском автомобиле — ее арестовали из-за отсутствия документов (они остались в конфискованном портфеле) Автомобиль доставил ее в израильский концентрационный лагерь, где ее допросили Она придерживалась прежней версии: ее муж был зеленщиком, но он умер. Фатима понимала: если обман раскроется, ее неминуемо убьют. И вновь она ругала маленького Халила, поставившего ее в столь опасное положение. Но никто не опроверг ее показания, и в конце концов ее освободили.

Не зная, где теперь жить, она пришла с детьми в бывшие военные бараки ООП, где она недавно жила. Фатима винила во всех несчастьях семьи пятилетнего Халила и не скрывала обуревавшего ее гнева. Халил же опять завел дружбу с израильскими солдатами, патрулировавшими их улицу. Они одаривали его подарками, катали на машинах. Что еще он рассказал им, неизвестно. По мнению Фатимы, раз пятилетний Халил мог всех их убить, он просто опасен.

Словно финальную партию перед занавесом Махмуд исполняет палестинский гимн. Он стоит прямо, не шевелясь, рука поднята, пальцы раздвинуты в революционном приветствии. Лишь к концу песни он не выдерживает и улыбается. Халил не принимает участия, лишь его широко открытые глаза переходят с Махмуда на аудиторию и снова на Махмуда, словно он хочет что-то добавить.

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

---

[1] *Фалангисты — военизированные отряды правохристианской партии «Катаиб», сотрудничающей с израильскими оккупантами.— Примеч. пер*

«Сделать что-то для родной страны...»

Кэрол МАЙЗЕРС,
американская журналистка

В 1967 году ЛИН МАККЛИНАН окончила католическую школу на севере Калифорнии. Она собиралась постричься в монахини, «но перед тем, как посвятить жизнь богу, я хотела сделать что-то для родной страны». Она твердо верила, что Соединенные Штаты «призваны выполнить свое предначертание: сокрушить коммунизм»...

В 1968 году операционная сестра ПЭМ УАЙТ — ей тогда было двадцать три — начала подумывать о том, как выбраться из осточертевшего Техаса. Тут как раз в больницу, где она работала, приехал армейский вербовщик...

В тот год в программе новостей регулярно показывали «славных американских ребят», раненных во Вьетнаме. Двадцатисемилетняя медсестра РОУЗ САНДЕЦКИ из Буффало, штат Нью-Йорк, не могла спокойно смотреть эти кадры: ей хотелось хоть чем-то помочь «славным американским ребятам»...

Двадцатилетняя ПЭТ МИРСМА очень переживала за своих братьев призывного возраста: что, если они попадут во Вьетнам! Достаточно ли в том далеком Вьетнаме медсестер, чтобы выходить их, если ранят! И в 1970 году Пэт поступила на армейские курсы медсестер...

МАККЛИНАН, УАЙТ, САНДЕЦКИ, МИРСМА были типичными для тех лет молодыми американками: доверчивыми, религиозными, любящими свою страну. Для них слова «отдать родине все, что потребуется» были не пустой фразой — для них это было нравственным долгом. И они, так же как и «славные парни», поверившие, что во Вьетнаме Америка «защищает идеалы свободы и справедливости», вступили в армию и попросили послать их на фронт.

Через год они вернулись. Лин Макклинан утратила веру в бога и обрела склонность к спиртному, теперь она считает все войны — и прошлые и будущие — аморальными. Пэм Уайт, выросшая в окружении, которое считало, что «все, сказанное президентом, истинная правда, а всякая его просьба — святая обязанность американского гражданина», отныне уверена: все, что исходит от правительства, вранье. Роуз Сандецки после Вьетнама не может ни с кем нормально разговаривать: она срывается, кричит на людей, не в состоянии наладить отношения ни с коллегами, ни с начальством, ни с близкими. Пэт Мирсма порвала со своим женихом, не может слышать праздничный салют 4 июля *,

---

* Национальный праздник США — День независимости. Примеч. ред

кричит по ночам, ей снится, будто она бежит по полю и кто-то все стреляет ей в спину...

Что же случилось с ними — медсестрами Сандецки, Уайт, Мирсмой, военнослужащей Макклинан — в Лонг Бине и Ку Чи, в Дананге и Чу Лае! Что случилось с ними там — не в джунглях, не в деревнях, не под обстрелом на рисовых полях — нет, в городах, в госпиталях, находившихся в относительной безопасности!

В этом рассказе почти что 10 тысяч действующих лиц — женщин, которые служили во Вьетнаме. Большинство из них никогда и ни с кем не делится тем, что происходило там. Нашу историю пришлось складывать по кусочкам как мозаику, по обрывкам, намекам, слезами исходящим воспоминаниям.

Американки во Вьетнаме отличались от американцев: их средний возраст на несколько лет превышал средний возраст воевавших мужчин, среди них практически не было темнокожих — они были «ошеломляюще белыми». Да и образовательный уровень их был повыше — почти все они вышли из довольно обеспеченных семей. Все добровольно вступили в армию, многие требовали отправить их во Вьетнам. Большинство были медсестрами или техническими служащими, но были среди них и сотрудницы разведки, переводчицы, связистки, они служили в диспетчерских аэропортов, вели авиационную рекогносцировку.

Как и ушедшие в армию парни, они тоже наслышались сказок о войне: для них война была делом героическим, в кино они видели, как «славные американские солдаты» уничтожают невидимого безликого врага, как гордо и благородно они побеждают и возвращаются к счастливым невестам. А потом они увидели первые настоящие бои и поняли, что Вьетнам не имеет ничего общего с той благородной экранной войной.

Впервые медсестры увидели войну вблизи, когда в госпитали начали доставлять солдат — мальчишек лет по восемнадцать-девятнадцать: на этой войне погибло более 57 тысяч американских солдат и около 270 тысяч было ранено, но зато эта война отличалась восхитительной медицинской службой.

От медперсонала требовалась не только блистательная выучка. От медперсонала требовалась еще и способность принимать решение: ибо лечили только тех, кто имел шанс выжить. Кровь, крики, раненые, подорвавшиеся на минах, раненые, изрешеченные пулями, обожженные напалмом. Работа по двенадцати часов в день, шесть дней в неделю. «Мы составляли людей по кусочкам. Прошу понимать меня буквально. По кусочкам,— вспоминает служившая в Дананге сестра Сара Элерс.— Я не боялась лишиться жизни, я боялась лишиться разума».

Мужчины, которые хотели хоть на минуту забыться, выключиться из этого «фильма ужасов», напивались, накачивались наркотиками, дрались друг с другом, обращали свою ярость и тоску на вьетнамцев. Алкоголь и наркотики были доступны и женщинам. Макклинан напивалась в одиночку, Сандецки «работала как лошадь»: «Первые три месяца я, приходя с дежурства, писала домой и плакала. А потом я поняла, что еще немного писем и слез — и я не выдержу. И я перестала писать и перестала плакать. Я окружила себя глухой стеной. Я ослепла и оглохла».

Все эти эмоциональные травмы нельзя считать «нормальными» стрессами войны. Они — результат именно этой войны. Ведь для того, кто участвует в войне, особенно для того, кто видит ее жертвы, важно знать, что война эта справедливая. Человек должен знать, что кровь, и раны, и ужас неизбежны, а борьба идет за что-то имеющее смысл, ценность, человек должен верить в справедливость войны, чтобы выдержать ее. И дело не только в том, что воевавшие разглядели фальшь поводов для присутствия американской армии во Вьетнаме: сама по себе эта война была безумием корысти, вырвавшейся из-под контроля. В ней гибли мирные граждане, в ней гибли дети. Бравые американские солдаты умирали не только от пуль, но и от героина, или их случайно накрывали огнем свои же. Военачальники были потрясающе некомпетентны, а бравые репортажи с поля боя — от начала до конца лживы. И к физическому и психологическому стрессам, уже достаточным, чтобы довести участников этой дикой войны до безумия, добавлялся еще и стресс, который можно назвать идеологическим. Женщин, отправившихся во Вьетнам, всю жизнь учили верить в мудрость американского правительства, в то, что оно всегда право. Но там они поняли, что их обманывают, и доказательств обмана было более чем достаточно.

Лин Макклинан работала при штабе, расположенном в Лонг Бине: «От людей намеренно скрывали правду. Был такой случай. Нас перебросили куда-то, не сообщив нам куда, но потом, когда объявили, что наши бомбардировщики бомбили Камбоджу (Кампучию.— *Примеч. ред.*), мы поняли, что находимся в Камбодже, потому что во время бомбардировки стекла в нашем здании дрожали. А в газетах писали, что наши войска на территорию Камбоджи не входили! Так я начала сомневаться во многом, но быть против войны значило быть против своей страны, это было непатриотично. Боже мой!»

«Спустя некоторое время я поняла, что дала себя обмануть,— вспоминает Пэм Уайт.— Я видела молодых ребят, которых посылали на бессмысленную смерть. С нами работали и вьетнамцы (имеются в виду сторонники южновьетнамского марионеточного режима.— *Примеч. ред.*), но я видела, что ни один из них не хотел нашего присутствия. Они воспринимали нас как оккупантов, да, даже те, кто работал с нами».

«Вначале я была потрясена поведением медсестер, которые приехали сюда на полгода раньше меня,— вспоминает Роуз Сандецки.— В нашем госпитале лежали и воевавшие вместе с американцами вьетнамцы, наши сестры били их по щекам, оскорбляли их, вымещали на них всю накопившуюся горечь и злобу. Я была старшей сестрой и пыталась урезонить своих подчиненных. А они говорили: «Ничего, поработай с наше, тогда сама увидишь, что к чему». Я думала, что никогда до такого не опущусь, но уже через четыре месяца я делала то же самое. А иногда к нам доставляли военнопленных, и мы оперировали их, и когда они просыпались от анестезии, они плевали нам в лицо. И в этом был ужас той войны: я приехала сюда всего лишь как сиделка, но оказалась втянутой в политическую сторону войны...

Я помню одного парнишку, совсем ребенка. В первый раз его привезли к нам в госпиталь с пулевым ранением. Его подлечили и отправили обратно в часть. Во второй раз его привезли к нам уже без обеих ног. Ему было всего двадцать лет. Так получилось, что в списке пациентов нашего госпиталя он оказался двадцатитысячным, юбилейным. Мне позвонила главная сестра и сказала, что по такому случаю госпиталь посетит генерал, что надо подготовиться к приему Особо Важной Персоны. И вот они прибыли, восемь человек, все большие шишки. Они наградили парня золотыми часами только потому, что он оказался двадцатитысячным. А парень вернул часы генералу и сказал: «Я не могу принять этот подарок, сэр. Он не поможет мне ходить». Я обняла парня и заплакала, наверное, для меня это самое тяжелое воспоминание о войне. Я начала понимать, чего все это стоит «маленькие презенты», которые делают генералы за то, что парень двадцати лет лишился ног. И ведь он уже во второй раз попадал к нам в госпиталь! То, что он сказал, значило для меня очень многое. Но я не думаю, что это хоть что-то значило для генерала. А для меня — все».

Пэт Мирсма: «Только там я поняла, что такое ненависть. Я видела ее знаки на телах солдат — это были синяки от офицерских побоев: наши офицеры били наших солдат! Я знала лейтенанта, который ничего не понимал в партизанской войне и посылал своих подчиненных на верную смерть. Я поняла, что такое ненависть — я возненавидела этих типов в Вашингтоне, которые вели войну, сидя за своими роскошными письменными столами. Но что я могла сделать! Как я сама могла остановить безумие! Все, что я могла делать — это продолжать по кусочкам собирать людей».

А потом война кончилась, они вернулись в домашнюю тишину и покой и не могли прижиться на родной почве, забыть о крови и кошмаре. Как кругом тихо, как нормально — они не могли выносить эту нормальность. Они больше не могли быть теми пассивными «славными и милыми девушками», какими они отправлялись за тридевять земель. Окружавшие их люди изо всех сил старались забыть позорную войну, а они помнили ее в мельчайших ужасающих подробностях, и эти воспоминания не давали им спать. Общаться с людьми становилось все труднее и труднее.

Лин Макклинан всюду чувствовала себя «странной, изолированной, будто окруженной глухой стеной». Лин стала пить все больше и больше.

Пэт Мирсма: «Мне все кажется, что я бегу по длинному-длинному туннелю и света в конце не видать. У меня вся душа изболелась, но меня никто не хочет слушать. В детстве я была страшной ревой, но после Вьетнама я разучилась плакать. Даже когда умер мой девятимесячный ребенок, я не плакала. Все внутри рвалось от боли, а я не плакала». Роуз Сандецки сменила за 12 лет двенадцать мест работы, в семьдесят восьмом обратилась к психиатру. «Он выслушал мой рассказ о Вьетнаме без всякого интереса и заявил: «А теперь расскажите мне о своем детстве».

«Все прошедшие через Вьетнам похожи друг на друга,— говорит Пэм Уайт.— И дело даже не в том, что мы чувствуем себя ненужными жертвами, главное — мы лишились мифов, веры. Мы перестали верить в свою страну, а это очень больно. Поглядите — на первый взгляд многие из нас довольно прилично устроились в жизни, вроде бы идут вперед, но прошлое всегда стоит за нами и всегда тянет нас в ту тьму. У тех, кто не был там, нет этого груза, нет этой вины. Господи, какая бы я была счастливая, если бы не знала всего этого...»

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

И[illegible] обещали легкую победу, и они рвались [illegible] — убийцы, грабители, одним словом, воевали так, как велел фюрер. Но растущая мощь ударов Красной Армии, натиск партизан, ненависть советских людей породили в них смертельный страх, и солдаты фюрера начали прозревать. Трудным было это прозрение. Тяжело и мучительно давалось оно. Об этом говорят письма, дневники участников Восточного похода. Эти свидетельства не предназначались для чужих глаз, их писали только для себя или родным и близким. Но большинство этих писем в гитлеровскую Германию так и не попало. Они были задержаны фашистской военной цензурой, которая была обязана уничтожать все письма, говорящие «о затруднениях всякого рода или о личных заботах», а о «неблагонадежных» солдатах сообщать в гестапо. Но [illegible] не успели. Помешало наступление Красной Армии.

Мы публикуем выдержки из этих писем и дневников. Их авторы, одураченные гитлеровской пропагандой, собирались совершить приятную прогулку по русским просторам, но жестоко просчитались.

Борис ХАВКИН,
историк

«Мы стыдимся нашей жизни»

«...До Москвы осталось очень немного. И все-таки мне кажется, что мы бесконечно далеки от нее... Мы уже больше месяца толчемся на одном месте. Сколько за это время полегло наших солдат! Мы шагаем по немецким трупам и оставляем в снежных сугробах своих раненых... Завтра мы станем трупами, и нас также раздавят гусеницы»

Из письма ефрейтора Отто Залфингера родителям. Без даты

«...Дорогая жена! Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Умоляю тебя, перестань писать мне о шелке и резиновых ботиках, которые я должен привезти тебе из Москвы. Пойми! Я погибаю, я умру, я это чувствую»

Из письма солдата 82-го пехотного полка Адольфа Фортгеймера. 6 декабря 1941 года

«Несколько недель тому назад я так бежал, как никогда еще не бегал даже во время игры в футбол. Произошло самое страшное: мы вынуждены были отступить... Теперь мы уже знаем, что такое война и какие последствия она с собой несет...»

Из письма Рихарда Урбенчика брату Людвигу Урбенчику. Без даты

Из дневника ефрейтора Отто Рейхлера

«29.XI. В 11 часов выступление. До Москвы всего 30—35 км. Наша борьба закончится лишь с падением Москвы!

6.XII. Мы начинаем отступать. Все деревни сжигаются, колодцы приводятся в негодность.

8.XII. В 6 часов 30 минут удираем. Поворачиваемся спиной к фронту. Части отходят повсюду. Почти что «победоносное отступление». Саперы усердно выполняют роль «поджигателей».

11.XII. Ночью тревога: прорвались русские танки.

12.XII. До 13 часов удерживали позицию, затем начали отступать. Настроение в роте ужасное. Я очень, очень мрачно смотрю на нашу судьбу

13.XII. Настроение ниже нуля, нас атакуют танки и казаки. Веет ледяная метель, и нечего ни погрызть, ни покусать. У меня самого чрезвычайно тяжело на душе, и я должен сознаться, что наше руководство поступило легкомысленно, не учитывая возможного контрнаступления русских. Нижние офицерские чины враждуют друг с другом, а бедный голодный и холодный пехотинец должен отдуваться за все. Можно прийти в отчаяние...

14.XII. 106-я пехотная дивизия опять отступила и оголила наш левый фланг. Нам ничего не остается, как обратиться в бегство...

15.XII. Русские продолжают наступление. Началась дикая сумятица — все бегут очертя голову... Юноши превращаются в стариков. Русская авиация разбила часть обоза. Тридцать убитых и много тяжелораненых. Слов нет, чтобы описать эти картины».

Из дневника лейтенанта Герхарда Линке, офицера штаба 185-го пехотного полка

«...16.XI.1941. Вот и долгожданный день наступления... С началом борьбы связываются самые смелые ожидания

23.XI. Роты истекают кровью... Ожесточенные бои. Наши потери, к сожалению, очень велики, особенно среди командного состава... Наша боеспособность уменьшается с каждым днем. Некоторые начинают уже высчитывать, когда придет их очередь

8.XII ...Тяжелая дальнобойная артиллерия русских подвергает местечко уничтожающему огню. Ракетные снаряды разрываются в самом его центре. Состояние гнетущее и неясное... Несколько тяжелых танков приближаются к деревне. Мы бессильны против этих чудовищ... Наше обмундирование ни в какое сравнение не идет с русским зимним снаряжением. У противника ватные брюки и куртки На нем валенки и меховые шапки

14.XII. ...Вражеский прорыв в нашем тылу ликвидировать не удалось... Мы должны снова оставить врагу завоеванную в победоносном наступлении территорию. Боже мой, боже мой! Какое преступление мы совершили? За что нас так наказывают?

17.XII. Наблюдаешь совершенно невероятные картины. Кругом бродят страшные и опустившиеся фигуры, оборванные как бродяги.

29.XII. Сейчас уже ясно, что руководящие круги много раз ошибались в оценке силы Красной Армии. У Красной Армии имеются тяжелые гранатометы, автоматические винтовки, танки ..

30.XII. Изгнанное из деревень население возвращается обратно за съестными припасами. Но мы отгоняем людей, угрожая им. Пусть голод закончит то, что не смогло сделать оружие!

1.1.1942 г. Во Франции я пережил время, о котором у меня навсегда сохранятся самые лучшие воспоминания. Я с таким удовольствием вспоминаю о приятных вечерах в общей гостиной с ее глубокими креслами, о пенящемся шампанском в бокале... Лишения и нечеловеческие усилия сопровождают нас теперь. Смерть часто подстерегает нас, протягивая к нам свою костлявую руку

4.1. ...Командование наше совершило грубейшую ошибку Ответственные головы летят с плеч. Но этим не наверстаешь упущенного: «Ошибки не исправляются в итогах»

«...Знаешь, Хильда, уже 14 дней мы не получаем никакого продовольствия, почти месяц никакой почты. Партизаны в тылу, взрывая мосты и дороги, затрудняют продвижение обозов, и мы должны терпеть голод. Просто не находишь слов, чтобы описать наше состояние ..»

Из письма ефрейтора Н.Ноймана Хильде Крестиан в Фридезальде. Без даты

«...Мы находимся в адском котле, и кто выберется отсюда с целыми костями, будет благодарить бога. Многие из наших товарищей убиты или ранены. Борьба идет до последней капли крови. Мы встречали женщин, стрелявших из пулемета; они не сдавались.. »

Из письма солдата Алоиза Пфушера родителям в Маннгейм. 25 февраля 1942 года

«...Если бы ты меня видела сейчас, когда я пишу это письмо, ты бы только головой покачала. Ты спросишь почему? Я весь в грязи и небрит, мы превратились в настоящих свиней. И к тому же вши, которые танцуют на нашем теле польку,— большое удовольствие! Все это делает война Мы выглядим намного старше своих лет. Правда, мне уже 22 года...»

Из письма солдата Альберта Реннеке сестре Эльзе Линту в Мюнхенберг. 6 января 1942 года

«...Только бы остаться в живых! Отказываюсь от Железного креста: хочу свой крестец принести домой... Русские упорные воины, это твердо установлено...»

Из письма ефрейтора Эгона родным в Людвигсхафен. 22 февраля 1942 года

«...Относительно русских мы сильно просчитались. Те, которые с нами воюют, не уступают нам ни в одном роде оружия, а в некоторых и превосходят нас... Что касается меня, то я уже сыт войной по горло...»

Из письма унтер-офицера Георга Буркеля. 14 декабря 1941 года

«. Боевые действия в Сталинграде продолжаются. Мы ждем с нетерпением, когда наши войска нанесут окончательный сокрушительный удар, так как Сталинград имеет для нас решающее значение...»

Из письма обер-ефрейтора Вилли Зандига родителям. 17 ноября 1942 года

«...Русский слишком упрям, невообразимо упорен и настойчив. Мы делаем все, что только можем, но русский дерется здесь с полным презрением к смерти. Пленных мы теперь больше не берем, ибо эти субъекты до последнего дыхания стреляют из своих укрытий, блиндажей и подвалов...»

Из письма обер-ефрейтора Гейнца Хамана Эрнсту Яну. 14 ноября 1942 года

«...Борьба за Сталинград еще не кончена, а стоила жизни многим нашим солдатам. Каждый русский боец может уложить целое отделение. Из нашего эскадрона в 180 человек сейчас в боях участвуют 17...»

Из письма ефрейтора Генриха Штейнтиша сослуживцу Генриху Целлеру. 18 ноября 1942 года

«...Хоть бы эта проклятая война поскорей кончилась или, по крайней мере, видно было приближение конца. Но, наоборот, с каждым днем делается все хуже. Здесь русские прорываются нам в тыл; кто знает, что еще предстоит. Господа, несущие ответственность за события, вряд ли чувствуют себя очень приятно; впрочем, у них нет совести...»

Из письма вахмистра Оппермана жене. Без даты

«Скажу вам лишь одно: то, что в Германии называют героизмом, есть лишь величайшая бойня, и я могу сказать, что в Сталинграде я видел больше мертвых немецких солдат, чем русских... Пусть никто на родине не гордится тем, что их близкие, мужья, сыновья или братья сражаются в России, в пехоте. Мы стыдимся нашей жизни . »

Из письма ефрейтора Карла Мюллера родителям жены. 18 ноября 1942 года

Из дневника унтер-офицера Иозефа Шаффштейна

1942 год. «...22 октября. .. Части полка выходят в направлении к Сталинграду.

28 октября. Городище под самым Сталинградом. Здесь настоящий ад. Пикирующие бомбардировщики и артиллерия

3 ноября. Ад. Три-четыре раза атаковали завод «Красный Октябрь», ожесточенные бои, не можем продвинуться, тяжелые потери. Ночью — самолеты. Унтер-офицер Фридрих убит

4 ноября. ...Полк истекает кровью. Наконец-то отдых от самолетов. Фельдфебель Деннигер пропал без вести.

5 ноября. Безуспешная атака. Враг стреляет изо всех орудий. К нему нет приступа.

8 ноября. Снова и снова воздушные налеты. Никто не знает, будет ли он жив через час...

9 ноября. Прямое попадание в наш блиндаж. Мы уже простились с жизнью

23 ноября. Положение делается критическим, мы в окру-

жении. Фюрер берет командование нашим участком. Отступление?

24 ноября. Положение обостряется. Готовимся к отступлению. Все подготавливается к уничтожению. Мы окружены

25 ноября Мы должны держать позиции до последнего человека Справа и слева тяжелые бои. Что будет?

29 ноября. Снабжение становится все более скудным. $^1/_4$ хлеба на человека.

9 декабря. Всех ослабевших лошадей закалывают и съедают.

10 декабря. Голодать чертовски тяжело.

11 декабря. Никаких надежд на улучшение. Сейчас мы познали цену хлеба.

12 декабря. Сегодня я нашел кусок старого заплесневевшего хлеба. Это было настоящее лакомство. Мы едим только один раз, когда нам раздают пищу, а затем 24 часа голодаем...»

«...Дни, переживаемые нами сейчас, ужасны. Но, несмотря на это, тебе не следует обо мне беспокоиться. Все равно никто мне не поможет. Как чудесно могли бы мы жить, если бы не было этой проклятой войны! А теперь приходится скитаться по этой ужасной России, и ради чего? Когда я об этом думаю, я готов выть от досады и ярости...»

Из письма обер-ефрейтора Арно Бееца невесте. 29 декабря 1942 года

«...За эти дни наше положение еще ухудшилось. В сущности говоря, мы все больны... Кожи у меня скоро совсем не будет видно, всюду гнойная сыпь; если в ближайшее время не наступит улучшения, я покончу с собой... В животе бурчит, вши кусают, ноги обморожены. Я духовно и физически конченый человек... Несмотря на злополучное положение, в котором мы находимся, люди воруют друг у друга... Я погиб... Тысяча проклятий, это ад, хуже ничего быть не может...»

Из письма ефрейтора Роберта Яна невесте. 27 декабря 1942 года

Из дневника солдата-артиллериста Франца Панаша, попавшего под Сталинградом в плен и спасенного от смерти врачами советского госпиталя в поселке Камешково

«...1 февраля 1942 г. Несколько дней ужасная метель. Посылок с шерстяными вещами мы не видели. То есть видеть-то их видели, даже были сделаны прекрасные фотографии для пропаганды, но потом вещи снова были упакованы. Обман следует за обманом

Апрель. Теплеет, снег тает. Стоим по колено в ледяной воде. Теперь уже терять нечего. Еще немного, и снова начнется наступление Придется вновь завоевывать территорию, оставленную нами в декабре прошлого года

Июнь 1942 г. Берем штурмом города Острогожск — Россошь. Немецкие пикирующие бомбардировщики пролетают над нами. Они сбрасывают свои бомбы на нас, так как принимают нас за русские войска... Стоит страшная жара 35 40 градусов. Ужасающая пыль. Невыносимая жажда. Но мы держимся, так как на карту поставлено все. Сворачиваем к югу. Наша цель — Сталинград. Еще 200 километров, и мы там.

13 июня Вчера опять раздавали Железные кресты людям, которые почти не участвовали в боях. Дуракам везет. Медленно, но верно вся эта игра надоедает. Все ругают и проклинают все. Но от этого не легче.

20 июня. Мы в 6 километрах от Дона. Получаем приказ перейти к обороне. Самолеты противника обстреливают нас на бреющем полете. Многим это стоит жизни... Постоянные воздушные налеты. Бомбят днем и еще больше ночью. Зенитные батареи все время в бою

24 июля. Окончится ли война, когда мы дойдем до Волги, или придется идти до Восточной Сибири? В сердце одно желание: вновь увидеть родину

31 июля. За прошедшие 8 дней большие потери от огня «Сталинградских органов» («катюши») и от бомб. Примерно 600 человек выбыли из строя только в нашем полку.

8 августа. Русская артиллерия ведет обстрел. Еще немного, и они нас уничтожат. Почти прямые попадания тяжелых мин в нашу огневую позицию.

31 августа. В 5 часов утра у командира. Иду к нему после бессонной ночи, небритый и неумытый. Я получаю Железный крест II степени. И снова вперед. Занимаем позицию в ложбине. Каждую свободную минуту копаем, так как единственная защита — это земля

1 сентября 1942 г. Мой 29-й день рождения. Сегодня в половине второго прилетели русские бомбардировщики. В ста метрах от нас они сбросили все бомбы. Кусок земли угодил мне под левую лопатку, да так, что перехватило дыхание. Прекрасное начало дня рождения! Утром нет кофе, нет и обеда. Мы одни в широком божьем поле. Поочередно стоим на часах. Идет дождь, и очень холодно.

4 сентября 1942 г. С рассветом вновь начинается обстрел Это ужасно. ...До Сталинграда 10 километров

8 сентября 1942 г. Когда же падет Сталинград?

14 сентября 1942 г. Справа и слева, впереди и сзади рвутся снаряды и мины. Еще один наш товарищ погиб. Это Реблинг из Эрфурта. Ранен Ганс Триммлер. Нас остается все меньше. Замены нет, да и откуда ей взяться. Мы видели мобилизованных на трудовой фронт, присланных из Германии. Это еще совсем дети. Они копают землю вдоль шоссе. Ребята слабые, для них и пустая лопата тяжела. Несчастная Германия!

4 декабря. День за днем одно и то же. Еда — хуже некуда Я же не могу написать жене, что мы здесь сидим в кольце, из которого никому нет выхода. Днем достаточно только показаться на холме, как русские начинают стрелять.

24 декабря. У нас дома и по всей Германии сегодня рождество. Праздник любви и радости. Ничего этого мы не увидим. Я не ожидаю ничего хорошего. Еда отвратительная, да и ее очень мало. Скоро мы уже не сможем держаться на ногах

Новый год. Даже не кормят досыта. Речь постоянно идет о долге перед «фатерландом», которому мы присягали. Будь проклята эта война и те, кто ее развязал! Никто нам не поможет. Нам остается только подохнуть.

10 часов вечера по немецкому времени. Ураганный огонь русских Такого огня я еще не видел Возможно, это конец Если так — прощайте, мои дорогие на родине В нашем бункере 11 человек. Все заняты своими мыслями и не говорят ни слова. Каждая секунда может стать последней. Как долго еще продлится эта мука?

Я обвиняю руководство германского рейха и народа. Мы искренне надеялись на лучшее будущее, ждали его и воевали за него, терпели лишения, которые невозможно описать. Лишенные всего, ввергнутые в несчастье, умираем мы с голоду, уповая на фюрера.

Январь 1943. Холодно. Зима в русской степи. Ледяной ветер со снегом свистит сквозь все щели в бункере, продувает одежду. Не проходит и дня, чтобы кого-нибудь не ранило Многие погибли Они мечтали о счастливой доле. Теперь они от всего избавлены. Кто знает, что будет с нами завтра? Мы голодаем с 20 ноября, с тех пор, как попали в окружение. По нескольку дней нет хлеба. Мы ищем дохлых лошадей, которые, может быть, уже месяцами лежат под снегом Из их костей мы варим суп. Стыдно сказать, до чего дошли наши солдаты.. »

Из дневника ефрейтора Германа Машера

«...1 февраля 1943 г. Битва за Сталинград близится к концу. Враг громит нас ураганным огнем из орудий всех калибров. Изготовляем белые флаги

2 февраля... Являются русские и забирают нас в плен. Согласно приказу фюрера мы должны были держаться до последнего человека.. »

«. .Дай бог, чтобы я когда-нибудь вернулся домой, тогда я постараюсь открыть людям глаза на то, что на самом деле происходит на фронте...»

Из письма унтер-офицера Р. Шварца жене. 16 января 1943 года

Из истории необходимо извлекать уроки. Прошлое учит. Но, очевидно, не всех. Есть и сегодня на Западе люди, которые мечтают о новом «крестовом походе» против СССР, «вечно вчерашние» — так их называют в ФРГ. Они ничего не забыли и ничему не научились. Пусть будут для этих господ письма тех, по чьим следам они мечтают направиться на Восток, серьезным предостережением.

«Меня втянули в эту проклятую войну!»

Герман УСТИНОВ,
корреспондент «Известий» в Демократической Республике Афганистан — для «Ровесника»

Вереницей проходят передо мной эти лица — детские, юношеские, растерянные, заплаканные, несчастные. Лица тех, кого обманули, кого насилием и ложью загнали в банды и в подпольные группы.

Вот мальчик Инаятулла, маленький, тщедушный. В глазах его ужас и отчаяние. По грязным щекам бегут слезы. Он кажется гораздо меньше своих двенадцати лет. Работники кандагарского царандоя (народной милиции) только что задержали его на базаре. Его напарник, уголовник Баба-Саиб, скрылся, оставив мальчика на произвол судьбы.

Старший сержант Хашим, добродушный увалень, шарит в служебном холодильнике. Он вынимает бутылку кока-колы и протягивает Инаятулле. «Да успокойся ты, республика с детьми не воюет! Выпей лучше воды». Мальчишка недоверчиво смотрит на сержанта (видно, бандиты здорово запугали его царандоем), но отказаться от кока-колы [illegible]

Стакан с холодной кока-колой подрагивает в его руке. Успокоившись, он начинает рассказывать свою историю. Два месяца назад (ему кажется, что с того дня прошла уже целая вечность) он работал на маленьком прямоугольнике каменистой земли, на отцовском поле недалеко от города Кандагара...

Другое лицо, другая история, но суть та же — обман и насилие, обращенные на детей. Четырнадцатилетний Халекдот крупнее и сильнее Инаятуллы. Он не плачет, когда его приводят в царандой, держит себя в руках, как взрослый мужчина. Каждый день он приходил с мешком всякой всячины на кабульский рынок и располагался среди торговцев. В отличие от соседей, он не слишком торговался и к вечеру распродавал все, что приносил. Ничем, кроме этой покладистости в торговле, не выделялся этот парень на рынке, где тысячи людей одновременно покупают и продают, торгуются и кричат, щупают ткань и пробуют виноград.

Сотрудники царандоя заинтересовались этим продавцом, которому так важно было побыстрее сбыть все принесенное в мешке. Оказалось, год назад его силой увели из деревни в банду Гуль Аки, который именовал себя «народным мстителем». Халекдот прошел «курс перевоспитания»: его каждый день били и обещали бить еще сильней, если предаст банду. Когда посчитали его достаточно «воспитанным», главарь поручил ему «чрезвычайно важное дело» — сбыт награбленного. Грабили всюду — в кишлаках, на дорогах, в дуканах, у контрабандистов, даже отбивали вещи и продукты у других шаек, послабее числом людей и оружием.

Чтобы поддержать свою репутацию «народного мстителя», Гуль Ака время от времени подстерегал государственных служащих волостных и уездных учреждений, партийцев, просто специалистов, посланных на работу в этот район. Это мог быть врач, учитель, почтовый чиновник. У схваченного отбирали все, что можно продать на базаре, а самого пленника избивали до полусмерти. Тех, у кого не было ценных вещей, убивали на месте. Причем убивать главарь поручал новичкам, чтобы привязать их к банде, чтобы связать всех членов банды кровавой круговой порукой, отрезать путь назад, в честную жизнь. Халекдот видел все это своими глазами.

Очень многие попали в банду так же, как он: их привели силой, угрозами, шантажом, подкупом, обманом. В последнее время (рассказывает Халекдот) Гуль Ака особенно охотился на учащихся старших классов лицеев и студентов кабульских вузов. Он преследовал две цели: запугать молодых людей, решивших учиться, отбить у них охоту к образованию. Вторая цель была — заработать. Похищенных школьников и лицеистов проводили по горным тропам в Пакистан, где в специальных учебных центрах из бывших студентов готовили минеров, разведчиков, радистов, зенитчиков, стрелков из оружия для бесшумной стрельбы и патронами с химической начинкой. За каждого доставленного в Пакистан «курсанта» Гуль Ака получал от руководителей контрреволюционных организаций, находящихся в пакистанском городе Пешаваре, до 20 тысяч афгани...

А вот Шер-дозд, главарь банды, состоявшей исключительно из подростков и молодежи. Ему 21 год. Он рассказывает торопясь, сбивается, волнуется, внимательно слушает вопросы следователя, глядя тому в глаза, кивает согласно и покорно... Более двух лет его банда действовала в окрестностях Джелалабада, прежде чем была захвачена органами правопорядка.

Сам он в 1982 году прошел трехмесячную подготовку в учебном центре близ пакистанского города Навагай. Там одновременно учатся пятьсот-шестьсот человек. Каждый проходит сначала общевойсковую, а потом диверсионно - террористическую подготовку.

— В центре установлен строжайший режим секретности, — говорит Шер-дозд.— Нас регулярно обыскивали и проверяли наши вещи. Осведомители следили за каждым нашим шагом, за нашими разговорами, настроениями. Кроме боевой подготовки, велись «политические» занятия: нас настраивали против народной власти в Афганистане и против Советского Союза.— Он говорит, а в глазах его жалкая, слабая мольба: «Спросите меня еще, я все расскажу...»

Центров, о которых рассказывает Шер-дозд, более ста на территории Пакистана, Ирана, Египта. Там преподают офицеры и резервисты пакистанских вооруженных сил, военные специалисты из США, Ирана, Франции, Саудовской Аравии, Египта, Англии, Японии, ЮАР и Израиля, всего около полутора тысяч человек. В зависимости от будущей воинско-диверсионной специальности срок обучения колеблется от десяти дней до девяти месяцев. Курсанты — в основном молодежь с семью-восемью классами образования. Хотя бы такое образование нужно для того, чтобы научиться владеть современным оружием. Но в этой войне, где бомбы подкладывают в здание аэровокзала, а ракетами «земля — земля» стреляют по жилым кварталам, используют и детей десяти-пятнадцати лет. Их подготовкой заняты специальные учебные центры, расположенные в Пакистане. Здесь детей учат ставить мины, вести разведку.

Бандиты силой уводят детей, как это было с Инаятуллой. Бандиты знают гуманность афганской юстиции: прав был старший сержант Хашим, говоривший Инаятулле, что республика с детьми не воюет. Правонарушения, совершенные подростками до четырнадцати лет, законом, как правило, не преследуются.

Допрос Шер-дозда продолжается. Ядро его банды составилось еще в Пакистане (рассказывает он), четверо парней семнадцати-восемнадцати лет. Еще десять человек, в основном тоже подростков, младшему было четырнадцать лет, они набрали дома. Первое время банда грабила в кишлаках, на дорогах, собирала «дань» с мелких торговцев, караванщиков. Отсюда кличка, которую дал себе предводитель банды,— Шер-дозд значит в переводе «Лев-вор». Когда они немного освоились, к ним прислали из Пакистана эмиссара ИПА («Исламской партии Афганистана») Хабибрахмана. Партии принадлежит учебный центр в Навагае, где учился Шер-дозд. Эмиссар потребовал от Шер-дозда, чтобы тот рассчитался за учебу, содержание и «стипендию», а также за полученное оружие.

— Отбиться от Хабибрахмана мы не смогли,— говорит он.— С ним было три таких же отряда, как наш. Хотели откупиться, но денег он не взял. Выхода не было, и мы признали его власть над собой. Он нам давал задания, и мы поджигали школы, выслеживали партийных активистов. Хабибрахман приказал нам взорвать плотину Самархельского водохранилища с питьевой водой. Плотина хорошо охраняется, нам удалось только взорвать дамбу, но выпустить воду не успели — нас окружили работники водохранилища, солдаты, и мы ушли.

Хабибрахман регулярно проводил инструктивные совещания и требовал действовать осторожно, уходить от столкновений с силами порядка. «Наш метод — террор и диверсии»,— подчеркивал он. Был и план диверсий: городской госпиталь, производственно-техническое училище, где готовят механизаторов для оросительного комплекса, Джелалабадский университет. Летом 1984 года, в самую жару, предполагалось поджечь уникальные оливковые рощи.

Не вышло. Боевая операция частей народной армии положила конец группировке Хабибрахмана. Сам эмиссар бежал в Пакистан, бросил свои «войска» и вряд ли когда-нибудь снова осмелится появиться на афганской земле.

К концу подходит допрос Шер-дозда в кабинете начальника Джелалабадского ХАДа (служба безопасности). Уже от дверей Шер-дозд вдруг бросается назад и валится в ноги молодому майору. «Простите меня, заступитесь за меня! — кричит он, плача навзрыд.— Я не враг своему народу! Меня втянули в эту проклятую войну!»

Майор молчит. Что он может сказать! Пообещать снисхождение! Он не хочет обманывать. О снисхождении говорить уже поздно. Ведь в любой боевой операции против душманов прежде выстрелов звучат армейские громкоговорители: «Сдавайтесь! Складывайте оружие! Не проливайте крови своих братьев! Добровольная сдача смягчит вашу участь!»

Шер-дозд не внял этому призыву, его банда отчаянно сопротивлялась. Но одумавшихся, вовремя остановившихся все больше. Потому что никаких объективных оснований бороться против новой власти у афганской молодежи нет и не может быть. Только угрозой и обманом могут душманы сбить молодежь с пути, открывшегося для нее после революции. Это путь образования, просвещения. Несмотря на террор контрреволюционеров против школ и учителей, программа ликвидации неграмотности в Афганистане набирает силу. В 1984 году на курсах учились читать и писать более трехсот пятидесяти тысяч афганцев. Всего же за время народной власти грамотой овладело более миллиона человек.

Начальное образование в стране стало всеобщим и бесплатным. Прошла проверку новая программа десятилетнего школьного обучения. В 1984/85 году в школы пришло гораздо больше детей, чем в прошлом. Тысячи студентов поехали учиться в социалистические страны. Что могут предложить молодежи душманы вместо всего этого! Убийства, грабежи, кровь!

...Успокоившись, маленький Инаятулла рассказывает свою историю. Он помнит тот день, когда работал на отцовском поле. Помнит, как по дороге ехала, таща за собой шлейф желтой пыли, старая дребезжащая «тойота». Машина резко затормозила, из нее выскочили двое с автоматами, втолкнули его в «тойоту» и увезли. Он не знал, куда, зачем, не знал, кто эти чужие люди с бородами, один из которых положил ему на плечо увесистую руку с перстнем: «Молчи, парень...» Так он очутился в банде Пайенда-аги.

Главарь сказал, что «сам аллах привел его в армию защитников ислама» и «служить своей земле» надо с детства.

Если Инаятулла окажется добросовестным и преданным, недели через две родителям дадут знать, где он. Если попробует сбежать, его все равно найдут и убьют.

— Что же ты делал в банде? — спрашиваю я.

— Сначала мыл посуду, помогал готовить обед. Потом помогал Баба-Самбу, когда его посылали в город за едой. Мы приносили дуканщикам записки.— Он вытаскивает из-за пазухи сложенный вчетверо листок бумаги: «Муртаза, дай этим полбарана. И не вздумай сердить меня». Дальше подпись и личная печать главаря банды.

Инаятулла обходил дуканы с записками, а Баба-Самб ждал в безопасном месте. Продукты они грузили в тележку, а потом перекладывали в «тойоту», стоявшую на тихой улочке Кандагара.

— Неужели все дуканщики выполняли эти требования? — спрашиваю я.

— Нет. Я всегда протяну записку, а сам к порогу, чтоб легче убежать. Но многие боялись Пайенда-агу и давали продукты. А он потом присылал им что-нибудь из награбленного.

Инаятулла рассказывает, как бандиты останавливали и грабили грузовики, междугородные автобусы, как с мешками добра возвращались в лагерь. Ребят, таких, как он, в эти набеги не брали. Их использовали иначе. Десятилетний Саид, который спал на одном топчане с Инаятуллой, разносил письма с угрозами тем, кто поддерживает народную власть: учителям, частным торговцам, государственным служащим и даже муллам. Двух мальчишек постарше Пайенда-ага учил ставить на дорогах пластиковые мины. Али, парень лет тринадцати, подорвался на мине на глазах Инаятуллы — ему оторвало обе ноги, и он умер на обочине горной дороги. Когда мальчик вспоминает об этом, руки его опять начинают дрожать, плечи вздрагивают.

Но все самое страшное для него уже позади.

Кабул

Ямагути сын Ямагути

Леонид МЛЕЧИН

За рвом, опоясывающим центр Токио, находится современная Япония: ревущее уличное движение, лабиринт залитых неоновым светом улиц, толпы по-современному одетых людей. Но на обширной территории, прилегающей к императорскому дворцу, десятилетиями ничего не меняется. Все важные документы пишутся с помощью кисточки и туши. Лакированные экипажи стучат по изогнутым мостовым. По телефону отвечают: «Укэтамаваримасита» — «Я почтительно выполняю Ваше [redacted]

Мацуда вспоминал, как в день рождения императора он побывал здесь. Собралась толпа в несколько тысяч человек. Они пришли поздравить монарха, который до войны почитался в Японии в качестве живого бога, 124-го императора в непрерывной цепи сменявших друг друга на протяжении двух с лишним тысячелетий властителей страны. Это было несколько месяцев назад...

— Но я быстро ушел отсюда,— с раздражением заключил он, обращаясь к полковнику в форме военно-воздушных «сил самооборо-

ны».— Мне было неприятно оказаться среди людей, которые до конца не осознали, какое им выпало счастье — лицезреть императора. В мое время за один его взгляд каждый японец готов был умереть. А эти — словно туристы, знакомящиеся с достопримечательностями... Подумать только, находятся японцы, которые считают естественным положение, при котором император не обладает властью! Какое падение нравов!

— Подобные мысли могут возникнуть только у предателя,— поддержал его полковник.— Истинный японец гордится императором. Жить и умереть можно только во имя императора.

Мацуда, сощурив глаза, с удовлетворением посмотрел на собеседника.

— Такие люди, как ты, Ямагути-кун, надежда Японии. То, что ты сказал, делает честь роду Ямагути. Жаль, твой отец не может сейчас слышать тебя.

Помолчали.

Тем временем из остановившегося поодаль военного автобуса высыпали человек сорок офицеров и строем двинулись к дворцу. Низенький подполковник, который был среди прибывших старшим, отделился от колонны и почти бегом направился к Мацуда и его спутнику. Почтительно наклонив голову, он отрапортовал Ямагути:

— Господин полковник, группа офицеров военно-воздушных «сил самообороны» прощается с Токио, мы пришли поклониться императору. Завтра мы отбываем к новому месту службы — на остров Хоккайдо.— Потом он повернулся к Мацуда: — Здравствуйте, сэнсэй. Я очень рад вас видеть.

Мацуда слегка улыбнулся.

— И я тоже. Вы не можете себе представить, мальчики, как я рад вас видеть. Вы, дети моих погибших товарищей, продолжаете славное дело отцов.

Полковник Ямагути снял фуражку и пригладил волосы.

— Мне очень жаль, Токутаро, что мы с тобой расстаемся,— сказал он подполковнику.— Но я поддержал твое прошение о переводе на Хоккайдо. Я понимаю тебя. Там ты будешь ближе всего к северному врагу, с которым нам еще предстоит сразиться.

— Насколько я понимаю,— спросил Мацуда,— вы расстаетесь чуть ли не первый раз в жизни?

— Да,— ответил подполковник Токутаро Ода.— Мы выросли вместе. Наши родители были соседями. После того как наши отцы погибли в один и тот же день, матери сдружились и в трудное послевоенное время помогали друг другу. Мы росли вместе с Сабуро, учились в одном классе, потом поступили в летное училище.

— И даже служили вместе,— добавил полковник Ямагути.

Почти сорок лет назад они также стояли рядом: отец подполковника Ода — лейтенант Ода и отец полковника Сабуро Ямагути — лейтенант Ямагути. Мацуда был уже в чине капитана. Все трое, вытянувшись в струнку, слушали начальника училища.

— Как вы знаете,— говорил он,— нашей армии не хватает летчиков, не хватает самолетов, боеприпасов, горючего. Западные варвары ведут с нами войну на уничтожение. В эту решающую для империи минуту каждый японец обязан сделать решительный шаг — отдать жизнь во имя победы. Нам, летчикам, повезло. Подобно божественному ветру, разметавшему флот наследников Чингисхана, задумавших завоевать Японские острова, наши самолеты должны уничтожить американский флот, прежде всего авианосцы. Я только что получил сообщение из штаба: объявлен набор добровольцев в отряд камикадзе «Божественный гром». В этом деле я не могу вам приказывать. Но те из вас, кто готов отдать жизнь за спасение страны, могут стать добровольцами.

Один из офицеров, стоявших рядом с начальником училища, задрав подбородок, громко крикнул:

— Мы все готовы! Все запишемся! Среди нас нет трусов! Предлагаю по древней традиции написать кровью прошение о зачислении в отряд «Божественный гром».

Начальник училища удовлетворенно кивнул.

— Что ж, так я и думал. Поздравляю вас с этим решением. Вы доказали, что достойны чести быть сынами Японии.

Повернувшись к офицерам, он сказал достаточно громко, чтобы курсанты услышали его:

— Если Японии суждено спастись, то спасут ее эти молодые люди, готовые к самопожертвованию...

Изъявившие желание служить на Хоккайдо летчики военно-воздушных «сил самообороны» по очереди почтительно поздоровались с Мацуда. Подполковник Ода объяснил им, что Мацуда во вторую мировую войну тоже был летчиком, сражался на Южных морях. В конце войны вступил в отряд камикадзе, но по не зависящей от него случайности остался жив.

Молодые офицеры с интересом разглядывали Мацуда. К камикадзе в стране относились по-разному. Многие критиковали их за безрассудный и бессмысленный фанатизм, но в училище преподаватели приводили камикадзе в пример своим воспитанникам. «Готовность умереть во имя Японии — как нам сейчас этого не хватает»,— часто повторяли они.

— Отец полковника Ямагути и мой отец служили вместе с Мацуда-сан,— рассказывал подполковник Ода.

— Ваши отцы были замечательными людьми,— твердо произнес Мацуда, и глаза его затуманились.— Вы можете ими гордиться. Я был их инструктором в училище, но особенно близко мы сошлись в отряде «Божественный гром». Мы все трое были добровольцами. Последние три недели мы были неразлучны. Как старший по опыту и по званию я старался научить их всему, что знал сам.

...Командир отряда «Божественный гром» каждый день проводил беседы с камикадзе. Заложив руки за спину, внимательно вглядываясь в лица стоявших перед ним летчиков, он говорил о величии Японии, о долге, который им предстоит исполнить.

— Подобно нежному, трепещущему цветку вишни, опадающему с утренними лучами солнца и медленно опускающемуся на землю, должны вы бесстрашно расстаться с жизнью — пожертвовать собой ради Японии.

Мацуда с окаменевшим лицом стоял на правом фланге. Ему надоели ежедневные проповеди командира. Тот говорил одно и то же, бесконечно варьируя осточертевшие Мацуда высокопарные фразы. Но на юнцов они явно производили впечатление. Мацуда покосился на Ямагути и заметил на глазах лейтенанта слезы. «Ямагути всегда отличался особой восторженностью»,— усмехнувшись, про себя подумал Мацуда.

После окончания беседы лейтенанты Ямагути и Ода и капитан Мацуда отправились фотографироваться. Старик фотограф почти каждый день дежурил возле казарм, он знал, что камикадзе стараются обязательно послать домой последнюю фотографию. На этот раз три друга сфотографировались вместе...

— Этот снимок я храню как самую дорогую реликвию,— сказал полковник Ямагути. Он вытащил из бумажника завернутую в целлофан карточку. Летчики из рук в руки передавали фотографию с изображением трех молодых людей в форме императорской армии. Отец полковника Ямагути улыбался на снимке так безмятежно, словно фотографировался по случаю свадебной церемонии или окончания учебного заведения.

— Вместе с этой фотографией отец прислал письмо,—

рассказывал полковник Ямагути.— Я помню его наизусть: «Дорогая жена! Поздравь меня. Мне предоставляется прекрасная возможность умереть. Свершив свой долг, я упаду в море, как опадают цветы с лучезарных вишен. Как я признателен командованию за эту возможность умереть! Мы поклялись друг другу, что потопим самые большие корабли, которые только сумеем найти. Кстати говоря, хочу заочно познакомить тебя с моими лучшими друзьями по отряду — это лейтенант Ода и капитан Мацуда. Мы поклялись погибнуть вместе».

— К сожалению, я не смог выполнить нашу клятву,— тихо произнес Мацуда.— До последнего дня своей жизни не прощу себе этого.

— Вы не должны так говорить,— решительно запротестовал полковник Ямагути.— Ваша жизнь полна великого смысла, ведь вы столько сделали для блага Японии. Наша новая армия — «силы самообороны» — создавалась при вашей помощи. И я, и подполковник Ода обязаны вам всем. Без вас мы никогда не стали бы настоящими офицерами и японцами. И очень многие молодые японцы могут сказать то же самое.

— Нет, нет,— повторял Мацуда.— Я должен был умереть вместе со своими друзьями.

...После обеда камикадзе слонялись по территории отряда, не зная, чем себя занять. Конечно, летчикам полагалось заниматься по учебной программе, в частности летать, но, во-первых, не хватало горючего, во-вторых, все, что им предстояло сделать, было настолько просто, что никакой специальной подготовки не требовалось. Деревянные монопланы «ока», на которых летчикам отряда «Божественный гром» предстояло сражаться с врагом, крепились под фюзеляжем двухмоторного бомбардировщика «мицубиси». Во время полета камикадзе сидел в кабине вместе с пилотом бомбардировщика. Когда самолеты приближались к району, где были обнаружены корабли противника, камикадзе пробирался в тесную кабину своего моноплана, оборудованную только ручкой отцепления, рулевым управлением и переговорной трубой, позволяющей до момента отделения поддерживать связь с пилотом бомбардировщика. Получив от него подтверждение, что цель обнаружена, камикадзе дергал ручку отцепления. «Ока» отделялся от бомбардировщика и начинал планировать. Приближаясь к цели, камикадзе включал реактивные двигатели, размещенные непосредственно за его креслом, и устремлялся вниз. Огромная для того времени скорость должна была спасти его от истребителей противника и зенитного огня. Готовясь к пикированию, камикадзе увеличивал угол падения до пятидесяти градусов; и когда он падал на корабль, то до последнего мгновения должен был держать глаза открытыми, чтобы не промахнуться.

Всю эту процедуру летчики отряда «Божественный гром» вызубрили наизусть. Они ждали своего часа и по очереди бегали на командный пункт узнать, не поступило ли сообщение о том, что обнаружены вражеские корабли. В эти августовские дни 1945 года истинное положение Японии знал только командир отряда. Все сведения о боевых операциях он держал в секрете и с начала августа запретил сообщать летчикам военные сводки, поступавшие к радисту. Своих радиоприемников ни у кого из офицеров не было. Они фактически были отрезаны от всего мира и не знали, что Япония проиграла войну и до капитуляции остались считанные дни.

В отряд привезли несколько новых машин для камикадзе, носивших громкое название «цуруги» («меч»). Командир отряда именовал этот самолет «последним достижением наших замечательных ученых, полных решимости добить врага». Мацуда, Ямагути и Ода тщательно осмотрели новую машину и молча вернулись в казарму. Даже восторженный Ямагути был подавлен. Резкий и прямой Ода громко заявил: «Мы уже живые трупы». Мацуда испуганно дернул его за рукав и оглянулся, опасаясь, что их могли услышать. Трудно было себе представить, что «последнее достижение» вообще сможет спланировать.

В это время по отряду пронесся слух, что отбираются добровольцы для выполнения совершенно секретного задания. К удивлению друзей, многие члены отряда «Божественный гром» пожелали перейти в новое подразделение. Ямагути пошел провожать их и вернулся возмущенный до глубины души. Он отвел в сторону Оду и Мацуду:

— Они уходят из отряда с радостью, представляете себе! Они говорят, что на новом месте больше шансов выжить. Дескать, скоро Япония проиграет войну, и всем можно будет разойтись по домам.

— Ты знаешь фамилии тех, кто так говорит! Надо сообщить командиру отряда,— деловито предложил Мацуда. Он быстро надел фуражку и ушел в штаб.

Вернулся он через полчаса и застал Оду и Ямагути спорящими.

— Неужели ты веришь, что атаки камикадзе могут что-то изменить! — горячо говорил Ода.— Все, что мы делаем, бессмысленно. Мы наносим врагу минимальный ущерб, а люди гибнут зря. Ты же знаешь, сколько летчиков взорвалось вместе с самолетами, не причинив ни малейшего вреда противнику. Еще в училище я слышал, что во время сражения у Филиппин налетевший тайфун нанес американцам больший ущерб, чем массированные атаки камикадзе,— с горечью закончил Ода.

— Ты не прав,— возразил ему Ямагути.— Вспомни, что нам говорили в училище: готовность пожертвовать собой уже сама по себе придает смысл смерти. Неудачи должны только увеличивать наше воодушевление.

Когда Мацуда вошел, разговор прекратился...

Мацуда вновь прикрыл глаза, словно для того, чтобы восстановить в памяти облик погибших товарищей.

— Мы были так же молоды, как вы сейчас,— сказал он, обращаясь к офицерам «сил самообороны».— Но нам было проще. Мы могли сражаться и убивать противника. Я помню, как повязал хатимаки лейтенанту Ода перед вылетом. На белой повязке была надпись: «Семь жизней за императора». Перед тем как усесться в кабину, Ода сказал: «Я хотел бы родиться семь раз, чтобы каждый раз умереть, разя врагов». Я двадцать лет прослужил в «силах самообороны», и каждый год я рассказывал новобранцам о том, как уходили на смерть мои друзья Ода и Ямагути.

— Наши родители погибли в последние дни войны, когда, казалось бы, все жертвы были напрасны,— гордо произнес Ямагути.— Но на самом деле они не только нанесли неожиданный удар по противнику. То, что делали тогда камикадзе, сегодня помогает духовному возрождению Японии.

...По приказу командира капитан Мацуда проводил в отряде «Божественный гром» занятие на тему о том, что после смерти души камикадзе воцарятся в храме Ясукуни. Неожиданно лейтенант Ода попросил разрешение задать вопрос.

— А что, в Ясукуни души подразделяются по воинским званиям!

Мацуда поморщился.

— Разумеется, нет. В Ясукуни старшинство определя-

ется исключительно временем прибытия.

— В таком случае у меня будет более высокое звание, чем у вас,— с насмешкой произнес Ода.— Поскольку вы явно не торопитесь попасть в Ясукуни.

Это уже было слишком, и разгневанный Мацуда бросился в штаб. Но он не успел доложить о неслыханной дерзости лейтенанта Ода. Командир отряда получил сведения о приближении кораблей противника. Он решил не возиться с деревянными «кока», а послать пять бомбардировщиков и в радостной суматохе не стал слушать Мацуда. В пятерку попал лейтенант Ямагути...

— Твой отец, лейтенант Ямагути, покрыл себя невиданной славой,— сказал Мацуда.— Врагам дорого стоила его смерть. Он потопил американский корабль.

...Из-за сильного тумана не было ни малейшей возможности обнаружить корабли, и командир группы решил, что нужно возвращаться на базу, пока есть горючее. «Я получил шанс прожить в этом мире еще немного,— рассказывал потом Ямагути своим товарищам.— Я не знал, что мне делать: благодарить небо или проклясть его за то, что оно не дало мне выполнить задание. Может быть, стоило продолжать полет одному! Но это было бы безумием. Я бы не смог прорваться сквозь плотную облачную завесу. Оставалось одно — вернуться!»

Вырулив на стоянку, летчики обнаружили, что один самолет не вернулся и, должно быть, погиб в бушующих волнах Японского моря. Бесполезно, но героически.

Через полчаса всех вернувшихся вызвали к командиру отряда.

— Только один из вас оказался достойным сыном Японии. А вы! Вы вернулись под предлогом плохих погодных условий. Презренные трусы! Дезертиры! Вы опозорили наш отряд и деморализовали людей. С этой минуты вы находитесь под арестом!

Полковник замолчал. Из-за его спины неожиданно выдвинулся капитан Мацуда. Срывающимся голосом он обрушил на летчиков поток оскорблений.

— Вы должны стыдиться самих себя. Разве вы забыли заветы наших предков! Самурай никогда не уклоняется от смерти. Если сомневаешься, жить или умереть, всегда лучше умереть. Отправившись на задание, вы должны сокрушить врага. Если пропеллер не вращается, вращайте его голыми руками!

Капитан Мацуда подошел к летчикам и с ненавистью ударил каждого из них по лицу.

— Я стыжусь, лейтенант Ямагути, что был вашим другом,— отчеканил он...

На площади перед императорским дворцом подполковник Ода посмотрел на часы.

— Прошу извинить, но нам пора.

— Желаю вам успеха,— сказал Мацуда.— Я немного завидую вам. Вы молоды, вас ждет чудесная судьба. Люди моего поколения пережили самый ужасный день в национальной истории, когда императорской армии пришлось капитулировать. Вам, я верю, суждено увидеть дни расцвета Великой Японии, когда наша страна будет обладать достойной ее армией.

Наблюдая за тем, как офицеры садятся в ожидавший их автобус, полковник Ямагути сказал:

— Я хочу поблагодарить вас за этих ребят, которые сейчас соприкоснулись с историей. Вы напомнили им о наших вечных идеалах, во имя которых живут и умирают японцы. Они сохранят ваш образ в своих сердцах. Вы станете для них таким же идеалом, каким были для меня и для Ода все эти годы.

Мацуда улыбнулся.

— Пойдем. Нам тоже пора.

...Командир отряда объявил тревогу. Он собрал всех летчиков и сообщил, что обнаружена крупная цель. Он приказал слить остатки бензина из цистерн в машины, которые еще могли летать. Капитан Мацуда внимательно наблюдал за полковником. В последние дни командир отряда «Божественный гром» приблизил к себе капитана, только ему одному он рассказал о том, что на Хиросиму и Нагасаки сброшены бомбы невиданной разрушительной силы, а русские вступили в войну. Услышав это, Мацуда побледнел.

— Это конец.

Полковник жестко отре-[redacted]

— Молчи. Не смей никому рассказывать то, что узнал.

Пока полковник произносил последнюю напутственную речь, Мацуда размышлял. Он понимал, почему командир отряда решил предпринять эту явно бессмысленную атаку. Полковнику нравится повелевать судьбами людей. Еще раз, хотя бы раз ощутить сладостное чувство власти! Полковник поручил Мацуда отобрать летчиков для последнего вылета. Без колебаний Мацуда включил в список Ямагути и Ода. Оба лейтенанта подчеркнуто не замечали капитана. Как никогда ясно Мацуда понимал, что с поражением в войне жизнь не кончается. Напротив, она только начинается. И в этой новой жизни он не хотел больше сталкиваться ни с Ямагути, ни с Ода.

На летное поле вынесли стол. Камикадзе по одному подходили к нему и принимали из рук командира отряда чашечку с водой. Вообще говоря, летчикам полагалось сакэ, но оно давно кончилось, а церемония полковнику нравилась. Поэтому камикадзе приходилось глотать воду.

Внезапно полковник отстранил одного из летчиков и объявил, что старшим группы полетит капитан Мацуда.

Мацуда побледнел. Он почувствовал, как у него оборвалось сердце. Ноги не повиновались ему.

— Одевайтесь побыстрее,— скомандовал [redacted] дир отряда.

Мацуда кое-как напялил комбинезон, схватил шлем. «Что же делать! Надо найти какой-то выход»,— вертелось у него в голове.

Решение пришло само собой. На взлете капитан Мацуда неловко сманеврировал, колесо попало в канаву, и шасси сломалось. Машина завалилась набок. Мацуда отделался ушибами.

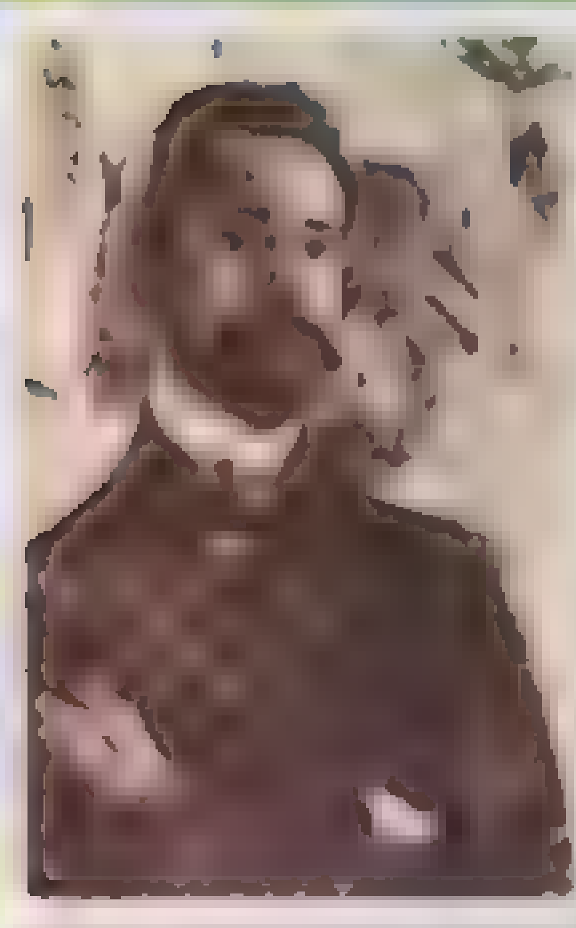
Группа улетела без командира. Конвой, который предстояло атаковать, оказался значительно дальше, чем говорил полковник. Камикадзе не хватило горючего, чтобы долететь. Один за другим самолеты шлепались в море и исчезали под водой. Американский самолет-разведчик с удивлением наблюдал эту картину. Он не понимал, что происходит и откуда взялись эти самолеты. Война уже кончилась, и еще в полдень император объявил о капитуляции. Все части японской армии должны были получить приказ прекратить сопротивление.

На всю жизнь запомнил Мацуда, с каким презрением смотрел на него командир отряда, но поделать ничего уже не мог. К концу дня в расположение отряда прибыли два генерала, чтобы проконтролировать подготовку отряда к расформированию. На следующий день Мацуда исчез. Он уехал в Токио.

А ЧТО РИСУЮТ! «Почему я рисую персонажей своих фильмов! Почему делаю наброски лиц, носов, усов, людей, заходящих ко мне в бюро! — пишет Федерико Феллини в своей книге «Делать фильм».— По правде говоря, я не умею подводить теоретическую базу под свои причуды, не умею приводить в стройную систему ритуалы, сопровождающие мою работу, поскольку это все и есть моя работа...» Непроизвольное и почти бессознательное выписывание на бумаге различных загогулин, физиономий, выглядывающих из-за угла фигур и бесконечного множества не поддающихся расшифровке закорючек, словом, вся эта графическая неразбериха, обрамленная телефонными номерами, адресами и какими-то заметками, быть может, как раз и есть та самая ниточка, на конце которой — павильон, включенные юпитеры и первый день съемок... Рядом с фото Феллини — его рисунки из недавно вышедшего в Италии альбома, где их собрано более пятисот.

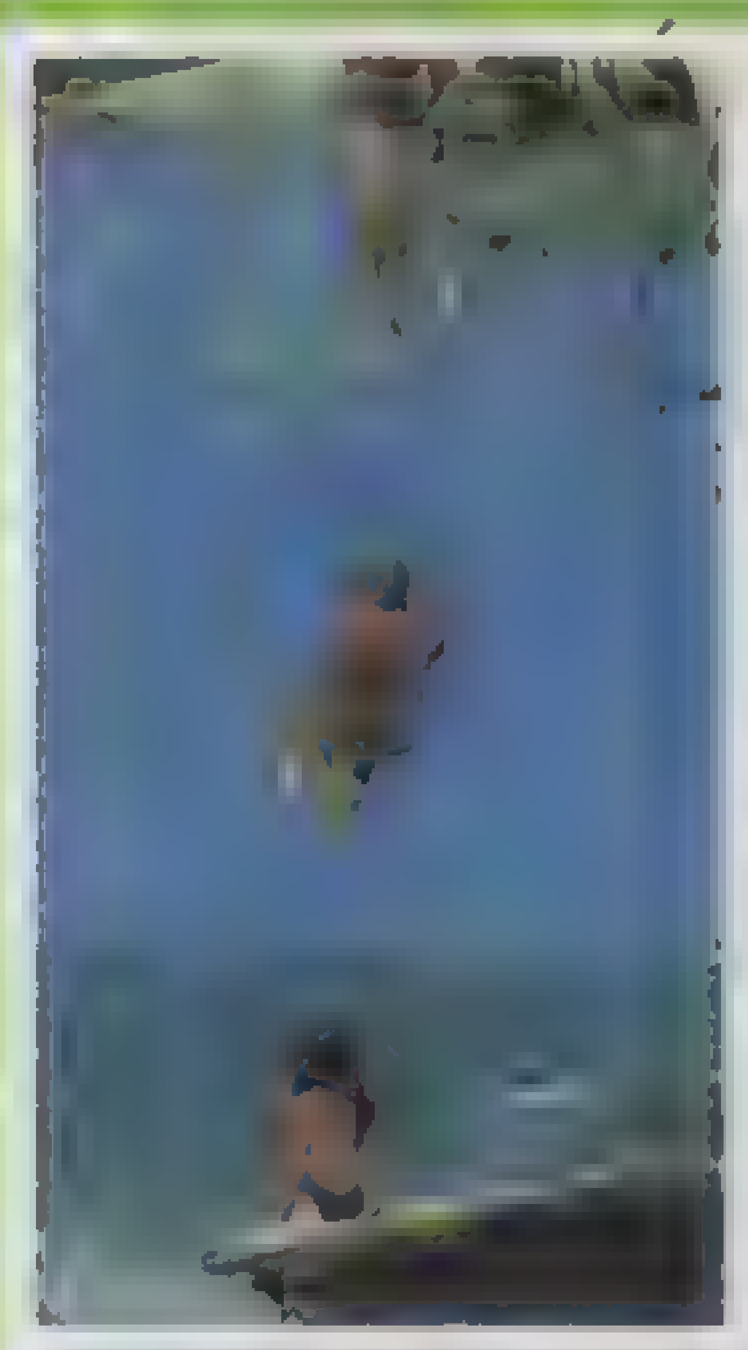

БРЮСОВ В ИТАЛИИ. Перед вами портрет Валерия Брюсова и его собственные рисунки к роману «Огненный ангел», действие которого разворачивается в средневековой Германии. В 1984 году роман вышел в Италии. «Описание исторических событий настолько точно и живо,— пишет итальянская критика,— что кажется, будто автор был их непосредственным свидетелем. Брюсов открыл итальянцам средневе- [illegible]

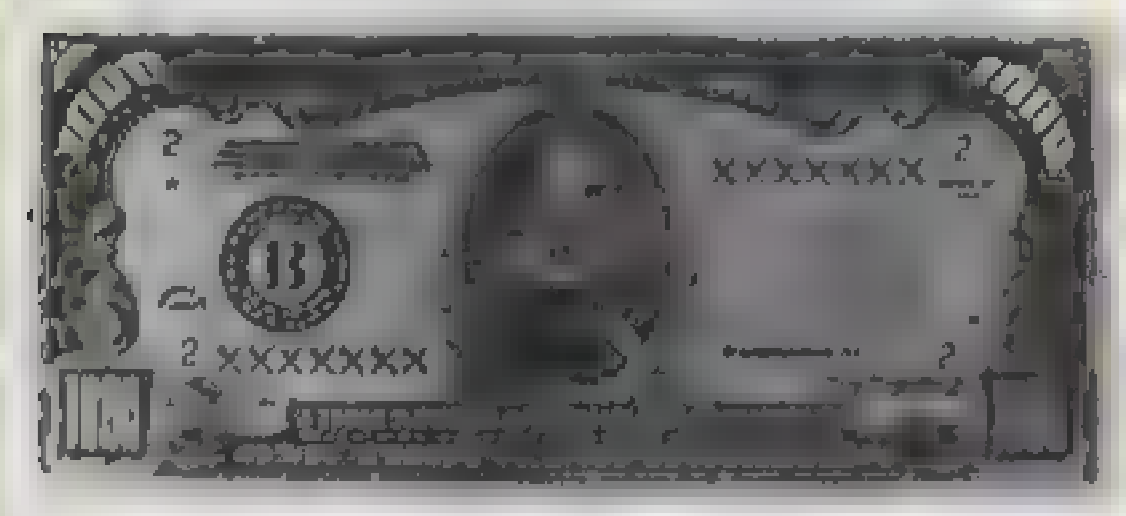
РИСКОВАННЫЙ СОПЕРНИК. Жан-Поль Бельмондо нравится всем. Исключение составляют, пожалуй, только профессиональные каскадеры. Сначала они называли артиста самоубийцей. Потом от зависти окрестили его выскочкой. И в конце концов затаились: твое, мол, парень, дело, если хочешь свернуть себе шею... Но время шло, шея оставалась цела, сам «парень» разменял шестой десяток, а последним фильмом, видно, просто решил вывести профессионалов из себя. В «Счастливом острове Пасхи» — так называется новая кинокомедия — он вылетает на моторной лодке из моря и, просвистев над деревьями и домами, снова оказывается в воде, выполняет кульбиты, подвешенный к вертолету, и т. п. А конкуренты по риску повторяют все те же слова: «Ненормальный! Куда ты!»

У РОЯЛЯ РОБОТ. На рассвете он открывает «глаза», резво машет «руками» и стреляет очередями (патроны, правда, холостые): электронное пугало (снимок справа) разгоняет птиц в лондонском аэропорту. А этот робот, изобретенный в Японии,— музыкант, играет «руками» и «ногами», «считывая» нотную страницу за 30 секунд.

ВО ЧТО ИГРАЮТ! Новую головоломку придумал французский журнал «Пари-матч». Он предложил читателям угадать, каким будет курс доллара в ближайшее время. А угадать это можно только случайно, по наитию, потому что взлет этого курса так же непредсказуем, как и выигрыш в рулетке. Пользуясь правом сильного, США всеми мерами искусственно повышают курс доллара, чтобы решить свои финансовые проблемы. А поскольку еще со времен второй мировой войны на доллар равняются все цены и курс всех валют на мировых капиталистических рынках, от непо-

мерно подорожавшего доллара страдают партнеры Америки. И получается, что Западная Европа оплачивает расходы США, а ее обитатели гадают, сколько еще франков, гульденов или фунтов им придется отдать во имя интересов заокеанского партнера. Вот какая занимательная головоломка.

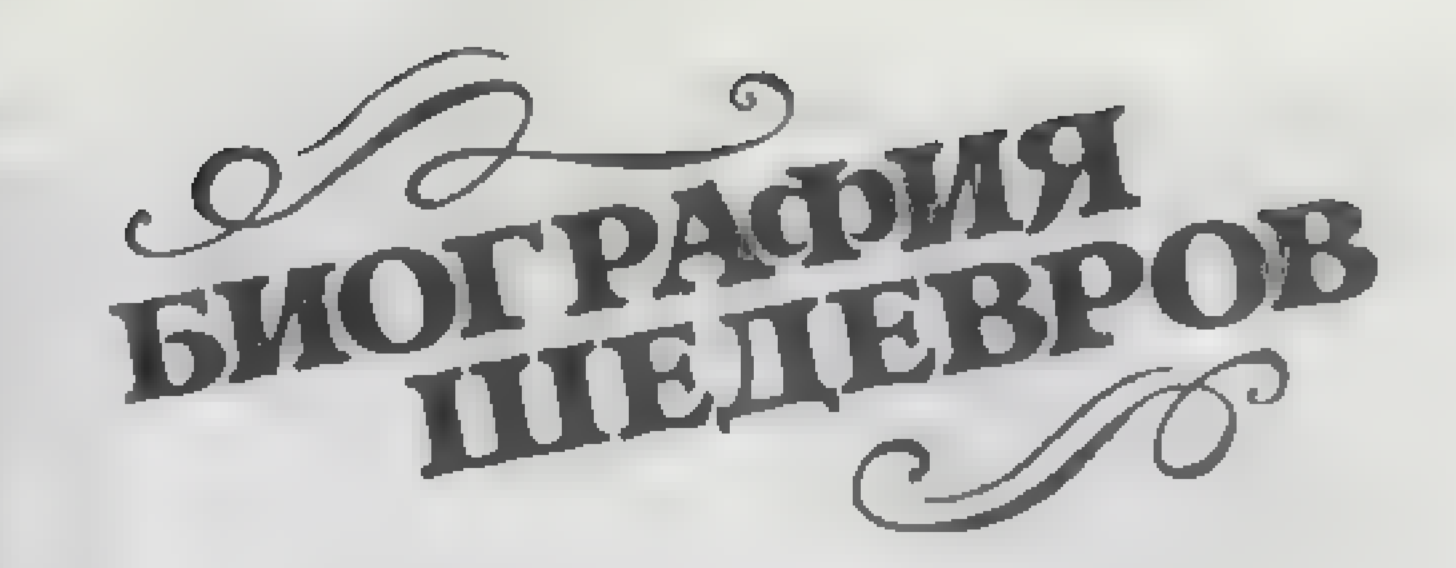
ПАН — «ПОСТОЯННОГО АДРЕСА НЕТ» — так называется ансамбль, концерты которого недавно прошли в Лондоне. В названии этом — сама жизнь участников группы, которая состоит из австралийских аборигенов. Барт Уиллоуби, Ники Моффэт и Крис Джонс приехали в Англию, чтобы рассказать популярным языком музыки о трагедии своего народа. Музыку, которую они играют, можно назвать сочетанием рэгтей и наиболее печальных мелодий кантри, сопровождаемых звуками национального инструмента аборигенов диджуриду. «Рэггей — потому что это музыка африканцев, оторванных от своих корней, а уж насчет грусти, так веселья в нашей жизни мало»,— сказали участники ПАН в интервью «Нью мюзикл экспресс». Интервью еженедельник заканчивает словами: «У этой группы высокая цель и стоящая музыка. Спешите: скоро у них кончатся деньги, и ПАН придется возвращаться домой, туда, где у них нет дома».

«ДОБРОЕ СЕРДЦЕ — ЗДОРОВОЕ СЕРДЦЕ». Оскар Уайльд сказал однажды, что циники — это те, кто умеет все оценивать, но не умеет ничего ценить. Но даже умнейший из циников, возможно, не знает, что цинизм может дорого ему обойтись. Американские ученые предположили, а затем доказали, что болезни сердца часто зависят от того, насколько доброжелательно или, напротив, враждебно человек относится к окружающему миру. Исследователи с помощью тестов определили так называемую «степень враждебности» пациентов, и выяснилось, что люди, у которых этот показатель выше среднего, в пять раз чаще страдали сердечными заболеваниями, чем те, у кого «степень враждебности» была ниже средней. Затем медики решили уточнить понятие «враждебность». Анализ ответов, полученных в результате опроса больных, показал, что «враждебность» означает не злобность, а недоверие, например, убеждение, что «большинство людей лживы», что «спокойнее никому не доверять» и т. д. Вывод врачей: неверящее сердце — это чаще всего нездоровое сердце. А значит, тот, кто не ждет от жизни ничего хорошего, рискует уйти из нее раньше других.

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ. «Король рок-н-ролла» (так окрестили его поклонники, меры любви не знающие) умер восемь лет назад. «Да здравствует король!» — воскликнули и продолжают регулярно восклицать бизнесмены, культивирующие безмерную любовь к Элвису Пресли. На эстрадных подмостках США до сих пор толпятся бесчисленные подражатели. Обрядившись «под короля», они имитируют манеру исполнения его песенок (в одном только Чикаго таких имитаторов свыше тридцати). А теперь вот выпустили пластиковых голеньких королей. Одень как полагается — и каждому свой Пресли.

Весна и война — какие несовместимые понятия! Весна 1941 года, когда Европу распинали на кресте фашистской свастики, несла с собой не пробуждение жизни, а смерть. Той весной в Милане, тогдашнем центре культурной жизни Италии, на выставке была представлена серия рельефов на тему «Христос — человек среди людей». Распятие Христа — символ человеческих страданий — сугубо традиционный сюжет. Однако далеко не традиционной была его трактовка. На одном из рельефов около тела умирающего Христа — толстый, самодовольный палач в каске солдата гитлеровского вермахта. Истинный смысл работы очевиден. Итальянский скульптор изобразил не отвлеченные страдания и отвлеченных носителей зла. Христос у него — жертва фашизма. Надо было быть поистине отважным человеком, чтобы в разгар фашистского террора в Италии бросить вызов темным силам, развязавшим мировую войну и толкнувшим мир в бездну страданий.

Что, кроме бешеной ненависти, могли вызвать эти работы у властей? Фашистская газета «Стампа» объявила скульптора врагом режима, Ватикан пригрозил ему отлучением, хотя рельефы не содержали никакого выпада против религии. Получалось, что Ватикан собирался сурово наказать скульптора всего лишь за художественный комментарий к библейскому преданию и в то же время и не думал осуждать фашистских убийц. Им отлучение не грозило.

Кто же был этот человек, имевший мужество в те мрачные времена открыто противопоставить духовность — невежеству, силу созидания — бессмысленному разрушению и жестокости?

ГОЛОСОМ БРОНЗЫ

Алла ГРАЧЕВА

«Невысокий, с широкими плечами и бычьей шеей, крепко сбитый и плотный, будто высеченный из куска гранита... Звук раскалываемого камня создавало даже его имя — Манцу́...»

Настоящая фамилия скульптора — Манцони. На диалекте его родного города Бергамо она звучит Манцу — он взял себе именно это имя и прославил его на весь мир.

Жизнь и творческий путь Джакомо Манцу, внешне столь блистательные, сравнивали с сентиментальными фильмами о взлете к вершинам славы героя, у которого было нищее детство и полуголодная юность. Это поверхностное сравнение упускает главное: Манцу сам был сценаристом и режиссером своей судьбы и исполнял свою роль с таким мужеством и целеустремленностью, какие по плечу лишь великим актерам. Счастливый финал был им выстрадан.

Он знал, что такое голод. Ему приходилось бороться с нищетой Он пережил смерть двух малолетних дочерей, терял близких друзей, сам стоял на пороге смерти. Это и была его «блистательная» жизнь. Каждый день оставлял на нем свою отметину — все вместе составляло тот жизненный опыт, который находил отражение в творчестве. Ничто не могло победить в нем желания посвятить себя искусству

В детстве стремление к нему было бессознательным, как и мужество, с каким Джа́комо отстаивал свое право заниматься лепкой и рисованием — эти занятия не находили понимания в большой рабочей семье, далекой от искусства. Двенадцатый ребенок в семье сапожника, Манцу однажды был жестоко избит отцом за то, что стащил глину и вылепил из нее пышногрудую русалку. Никто не знал, что более прогневало отца: воровство, почитавшееся тяжким грехом в верующей католической семье, фривольность

скульптуры или просто то, что мальчик — ему тогда было десять лет — позволил себе тратить время «впустую».

Семья бедствовала. Шестеро братьев и сестер Джакомо умерли в раннем детстве. С одиннадцати лет он работал, чтобы помогать отцу сводить концы с концами — сначала в мастерской резчика по дереву, затем у штукатура, умудряясь при этом заниматься в вечерней художественной школе. Казалось, условия не благоприятствовали тому, чтобы пробился этот росток таланта. Не было наставника, который поддержал бы юношу, помог ему советом и собственным опытом. Маленький городок Бергамо не мог дать Джакомо представления о скульптуре. Лишь в 19 лет, во время военной службы в Вероне, он увидел собор Сан-Дзено, и рельефы его бронзовых дверей произвели на него ошеломляющее впечатление. В Рим, этот город-музей, сосредоточивший художественные сокровища многих веков, Манцу впервые попал, когда в 1934 году там состоялась... его собственная выставка.

Первое представление о скульптуре Джакомо получил из купленного на скудные сбережения альбома работ французского мастера Аристида Майоля. В музеях Италии, как правило, находилось немного места для иностранных художников. Во времена фашистского режима к зарубежному искусству относились с особенным пренебрежением. Увлечение Манцу французским скульптором говорит о его свежем восприятии, не испорченном предрассудками. Джакомо не знал французского языка, но репродукции захватили его. Он инстинктивно чувствовал, какой должна быть настоящая скульптура. Этот здоровый инстинкт охранял его от уныния академической скульптуры и безвкусных поделок, которыми была наводнена Италия той поры. Недаром известный искусствовед Джон Ревалд писал: «XIX век оставил много грехов в искусстве, но образцы плохого вкуса в области скульптуры перешли все границы. Во Франции лишь неукротимая сила Родена в конце концов изгнала посредственность. В Италии же не было никого, кто мог бы преградить путь потоку обнаженных вакханок, мужественных воинов, сплетенных в тесном объятии пар, улыбающихся младенцев и почтенных старцев».

С поразительной целеустремленностью Манцу сам прокладывал себе дорогу в искусстве. Теперь, оглядываясь назад, он, со свойственной ему категоричностью, считает 1930-е годы своим «примитивным» периодом, когда его первые скульптуры носили отпечаток раннего христианского искусства, а рисунки — следы маньеризма (направление в европейском искусстве XVI века, отразившее кризис гуманистических идей Возрождения). Это строгое суждение взыскательного к себе художника. Манцу всегда смотрел на свои работы необычайно критическим взглядом и безжалостно уничтожал те, что не отвечали его требованиям. Время от времени он устраивал своего рода «аутодафе», и никто, даже близкие друзья, не мог воспрепятствовать уничтожению рисунков, глиняных слепков и даже бронзовых статуй.

В 1928 году 20-летний Манцу отправился в Париж. Он намеревался поработать там год-два и заняться скульптурой. В начале века Париж был признанной столицей искусств, и сюда, как паломники в Мекку, стекались художники со всего мира. Однако Манцу не смог нигде устроиться, поскольку у него не было разрешения на работу. Его сбережения мгновенно иссякли. Лишь один раз он посетил Лувр, ему не удалось побывать в музее Родена, увидеть Майоля. Через три недели жизни в Париже без гроша в кармане, умиравшего с голоду скульптора подобрала полиция в обморочном состоянии на скамье Булонского леса. Как подозрительного иностранца его выслали из Франции. Итальянская полиция, конвоировавшая Манцу до Милана, конфисковала его паспорт. Так закончилось его первое знакомство с Парижем.

В Милане ему впервые улыбнулась удача, он получил первый заказ: оформление капеллы в Миланском католическом университете. Кроме работы в капелле, Манцу одержимо занимался скульптурой. Он стремился найти индивидуальный стиль, не порывая с классическими традициями и выражая свои эмоции в гармоничных линиях и сбалансированных формах, берущих начало из античности. Круг сюжетов у Манцу невелик: это темы из повседневной жизни, с одной стороны, и библейские мотивы, знакомые ему с детства,— с другой. В своих работах скульптор размышлял над серьезными философскими проблемами: жизни и смерти, добра и зла, войны и мира.

Характерно, что Манцу решительно держался в стороне от всех модернистских течений, буквально затопляющих современное искусство, как и от бурных теоретических дискуссий о путях его развития. Избегая внешних эффектов, он стремился создать классически ясные по пластическому решению скульптуры, отмеченные глубоким содержанием. Все это, возможно, и стало причиной его первого успеха — он стал выставляться и очень быстро завоевал признание.

В 1932 году Манцу участвовал в групповой выставке в весьма авторитетной галерее Дель Мильоне, которая впервые привлекла к нему внимание прессы: о нем была издана небольшая монография. Его первая персональная выставка в Риме в 1934 году вызвала настоящую сенсацию. Ведущие критики Бранди и Раггьянти писали о «феномене» Манцу, приветствуя его как новое явление в современной скульптуре: «В его работах виден человек, остро воспринимающий будто с помощью сверхчувствительной антенны весь окружающий мир».

А мир, окружавший Манцу, казалось, неумолимо двигался к катастрофе. Атмосфера насилия и террора в стране сгущалась. Во время римской выставки были арестованы друзья Манцу — коммунисты. Хотя Манцу не стал членом компартии, он был связан с антифашистским объединением деятелей культуры «Корренте», куда входил и молодой художник Ренато Гуттузо. Сам Манцу по счастливой случайности избежал ареста, который повлек бы за собой долгие годы тюремного заключения, а то и расстрел. В подвале его дома были спрятаны боеприпасы, которые не смогла обнаружить полиция во время двух обысков.

Стремясь вырваться из удушливой атмосферы фашистской Италии, Манцу вновь едет в Париж. Скульптор изучал импрессионистов, о которых знал лишь понаслышке, знакомился с «авангардом» в искусстве — в Италию о нем доносились только слухи. Однако за визитом в Париж не последовало никаких изменений в его стиле. Манцу не увлекся новейшими течениями в искусстве. Напротив, он продолжает поиски собственного художественного языка в направлении, противоположном импрессионизму. «В то время, когда все «новое» было почти автоматическим залогом успеха, а тра-

диции использовались главным образом как сентиментальные заплаты, требовалось большое мужество, чтобы отвергнуть любой компромисс с так называемым современным вкусом и остаться верным своей простой и скромной манере»,— писал о Манцу Джон Ревалд.

Не только в искусстве, но и в жизни скульптор проявлял мужество, ибо жизнь и искусство были для него неделимы. Рассказывают, что из Парижа Манцу вез антифашистские брошюры. На итальянской границе начался досмотр. Еще немного — и художник был бы арестован фашистской полицией. От внимания соседа-священника не ускользнула его тревога, и он предложил Манцу свою помощь. Брошюры благополучно пересекли границу под католической сутаной.

Нравственная позиция художника с самого начала была однозначной: по его словам, он свирепо ненавидел войну, фашизм. Ему, прошедшему суровые «университеты» жизни, не надо было объяснять, на чьей стороне справедливость. В конце войны Манцу пришлось скрываться у друзей в окрестностях Бергамо. Скульптор рассказывал, что, выйдя однажды из дома, он увидел убитого партизана, повешенного вниз головой для устрашения населения: «Этот партизан был наг, если не считать майки, старой рваной майки. Его тело белело на фоне красной стены... Но особенно впечатляющими были руки, протянутые к земле с мольбой принять его нагое тело. Ноги, которые носили его по полям, пальцы, срывавшие персики, чресла, знавшие тепло другого тела, рот, смягчавший улыбкой мудрость, глаза, поднимавшиеся, чтобы взглянуть на небо,— все это превратилось теперь в колонну молчания».

Этот трагический образ, как застарелый осколок войны, остался в душе художника на всю жизнь. «Если рана глубока, она продолжает болеть и много лет спустя»,— говорил Манцу. С болью и яростью он изображает повешенного партизана в литографиях к книге стихов итальянского поэта Квазимодо, во всемирно знаменитых «Вратах смерти» для собора святого Петра в Риме.

В 1947 году скульптор победил на конкурсе проектов одной из пяти дверей собора. Джакомо Манцу выпала честь помериться силами с гениями, украшавшими эту сокровищницу искусств: Микеланджело, Рафаэлем, Кановой, Бернини. Титанический труд, занявший долгие семнадцать лет жизни, был отягощен бесконечными трудностями. Были минуты, когда художник не надеялся увидеть свой замысел в бронзе. Дело было не только в технических сложностях: гигантский размер двери (более семи метров в высоту), необходимость органически связать современные рельефы с рельефами XV века других дверей и с интерьерами собора. С этой труднейшей задачей Манцу справился блестяще. Но скульптору пришлось еще вести долгую, изнуряющую борьбу, чтобы отстоять свое видение мира, свой творческий замысел. На короткое время Манцу удалось найти поддержку у папы Иоанна XXIII, тоже уроженца Бергамо и человека широких взглядов. Однако после внезапной смерти Иоанна эта борьба еще более ожесточилась. Тема врат была определена — триумфальное чествование католической церкви. Но Манцу преобразовал заданную тему в тему страстного осуждения насилия, торжества человеческого духа перед лицом смерти: еще болела «глубокая рана», нанесенная фашизмом, и пепел его жертв стучал в сердце художника.

Вся огромная поверхность двери разбита на 10 рельефов, изображающих различные сцены смерти. На одном из них казненный партизан — «колонна молчания» — и скорбная фигура женщины у его тела. Среди торжественной роскоши огромного храма тихая скорбь рельефа Манцу по безвестному партизану сродни простоте и сосредоточенности чувств «Пьеты» великого Микеланджело. Трагичность содержания своих рельефов Манцу выразил через возвышенную поэтичность образов, эпическую скорбь и торжественное спокойствие. «Врата смерти» стали у Манцу гимном жизни, утверждением ее красоты даже в самые трагические моменты. Их недаром считают одним из лучших скульптурных выражений потрясений нашего века.

Манцу еще раз изобразил повешенного партизана. Для него вообще характерно повторение того или иного сюжета. В разное время на протяжении многих лет он возвращался к одной и той же теме, тщательно разрабатывая ее. Манцу как будто стремился «вернуть» партизана туда, где он его увидел. И вот на пересечении двух главных улиц города Бергамо в 1977 году в очередную годовщину освобождения Италии от фашизма был открыт памятник погибшим борцам Сопротивления — дар Джакомо Манцу своему родному городу. На памятнике надпись:

Партизан!
Я видел тебя повешенным,
Неподвижным,
Только волосы слегка шевелились
На твоей голове.
Вечерний ветерок
Тихо шелестел
В тишине
И ласкал тебя,
Как хотел бы сделать я.

«Является ли памятник символом принесенной итальянским народом жертвы?» — спросили скульптора. «Да,— ответил Манцу,— но прежде всего — символом грядущего...»

Человеком, устремленным в грядущее, был для него Ленин. Закономерно, что именно Манцу принадлежит проект обелиска, открытого на Капри к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. «Этот портрет рожден моим восхищением великим революционером. Думаю, что его личность в той или иной мере наложила свой отпечаток на всех людей. Она наложила отпечаток на саму историю и останется в истории».

После «Врат смерти» Манцу получил заказы, по своей значительности не знающие себе равных: «Врата любви» в Зальцбургском соборе в городе Моцарта, рельефы на тему «Войны и мира» в Роттердамском соборе, разрушенном фашистами во время варварских бомбардировок города.

«Не могу сказать,— писал скульптор,— были ли в истории искусств сколько-нибудь значительные рельефы на тему контраста между войной и миром. Лишь Пикассо противопоставляет войну и мир в своих гравюрах, однако они не идут в сравнение с «Герникой». Мастера классицизма славили сражения и войну. Для них битва была благородным спортом. То же относится и к Ренессансу... Только у Калло и Гойи мы встречаем драму массовых убийств, ужасы войны».

Образы войны и мира, воплотившие бессмысленность одной и счастье другого, отныне украшают главный вход в Роттердамском соборе. Врата «Войны и мира» считают самым вдохновенным созданием Манцу.

Страстная приверженность Манцу делу мира была оценена присуждением ему в 1966 году международной Ленинской премии мира. В интервью газете «Коррьере делла сера» художник говорил о своей ненависти к войне. «За эти идеи вам и присудили Ленинскую премию?» — спросили его. «За эти идеи,— ответил Манцу,— и за то, что всем моим творчеством, если бронза может иметь голос, я говорил о мире — даже тогда, когда изображал страдания...»

После работы над вратами «Войны и мира» в Роттердамском соборе Манцу говорил, что больше не будет делать ничего подобного. «Я отдаю слишком много самого себя». Не потому ли так жизненны его творения, что он вдыхал в них свою душу?

«Ценность вашей работы,— говорил Манцу слушателям курсов в Зальцбурге, где он преподавал в 1955 году,— заключается во внутреннем огне, который вы передаете материалу, и тогда он перестает быть неодушевленным. К какому бы материалу вы ни приложили руку, вы должны стремиться одухотворить его. Самый грубый камень, когда-то обработанный древними египтянами, терял под их резцами всю свою грубость и хрупкость... Концепция скульптуры проистекает исключительно и единственно из чувства любви... Не только вам я говорю это. Я постоянно повторяю это самому себе».

В Риме, вобравшем в себя сокровища скульптуры многих эпох, в парке Пинчьо установлена композиция Манцу — стремительно летящие «Складки на ветру». Огромная 11-метровая скульптура, неистовая, как сам Манцу,— вся порыв, натиск, дерзание, противоборство. Подобно флагу, она реет над Вечным городом.

ВЕРНИСЬ В СОРРЕНТО...

Анна ГЕРМАН

Сан-Ремо.

Уже в лифте гостиницы я заметила, что все дамы в вечерних платьях, манто или палантинах разной длины, но одинаково дорогих. «Ну что ж,— подумала я,— нет у меня мехов и дорогих туалетов, зато волосы натуральные, а не парик!» О, не стану скрывать, что в продолжение нескольких минут я отчаянно старалась подавить в себе возникшую было мелкобуржуазную зависть. Я чувствовала себя Золушкой, которой добрая волшебница не подарила перед балом ни платья, ни кареты — вообще ничего.

За кулисами была немыслимая толчея. Тут и исполнители, и целая армия снующих туда-сюда фоторепортеров, радио- и телекомментаторы, журналисты, наблюдатели. Среди толпы выделялись своим эффектным обликом карабинеры. (Карабинеры делятся на: 1) красивых, 2) очень красивых и 3) умопомрачительно красивых.)

Рануччо энергично прокладывал мне дорогу. Я думала, что мы пробиваемся к артистической уборной, но ошиблась: оказывается, надо было приезжать уже в сценическом платье. Артистические уборные в Сан-Ремо предусмотрены не были...

С каким же удовольствием вспомнила я один концерт, который мы давали зимой где-то в Бещадах! Добраться туда можно было только на санях, которые застревали посреди высоченных сугробов и даже, к нашей великой радости, разок перевернулись. Если бы там, в Бещадах, наша группа встретилась с подобными неудобствами, никто бы и бровью не повел. В глубинке, известно, всякое случается и надо быть готовым к любым невзгодам. Но там-то как раз для артистов все было предусмотрено...

Сцену, на которой проходят фестивальные концерты, я скорее назвала бы маленькой. На ней едва помещается певец и вокальная группа, сопровождающая почти каждого солиста. Оркестрантам отвели площадь перед сценой. От публики оркестр отделяет всего лишь барьерчик и узкий проход.

Позволю сказать еще несколько слов о публике. Сколько ни пытайся закрывать на это глаза, но факт остается фактом: и в тот вечер, и во все остальные вечера пришли — прошу прощения, съехались — исключительно те, в чьих шкафах имелись не единственный фрак и не единственное шиншилловое боа.

Общеизвестно, что чрезмерное богатство может вызвать в психике его обладателя необратимые и — с точки зрения тех, кто живет своим трудом,— неблагоприятные изменения. Так я пыталась объяснить себе какую-то удушливую, тяжелую атмосферу, царившую в зале. Вряд ли кто станет возражать, что фестиваль в Сан-Ремо устраивается прежде всего с мыслью о пожилых дамах и господах, засыпающих при звучании более спокойных мелодий (возраст чаще всего прямо пропорционален содержимому кошелька). Доказательством тому были бесчисленные толпы молодых людей, осаждавших здание чуть ли не с утра до поздней ночи. Но войти внутрь они не могли: билет стоит слишком дорого.

Конечно, это только мои личные наблюдения, которые хорошо бы дополнить некими данными обобщенного характера. Ежегодно по всей Италии проходит множество всякого

Окончание. Начало см. в № 1 за 1985 год.

рода фестивалей песни. В последние годы и у нас отмечается живой интерес к песне. (Время от времени в нашей прессе можно даже встретить утверждения, что проблемы, связанные с песней, начинают разрастаться до масштаба национальных проблем, и в дискуссию включается всяк, кому не лень, не имея порой для того надлежащих познаний.)

В отличие от самого музыкального поляка итальянец никогда не стыдится петь. Он поет охотно — и на работе, и на улице, и в магазине, и на трамвайной остановке. Песня помогает ему жить, облегчает контакты с людьми, смягчает стрессовые ситуации современной жизни. Помню, как довольно тучная матрона, подметая в гостинице коридор, звучным голосом распевала песню Джилиолы Чинкуэтти «Я слишком еще молода, чтобы любить».

Пластинки поступают в продажу сразу после окончания фестиваля в Сан-Ремо. А штампуют их еще до его начала. В течение двух-трех дней на улицах можно услышать все фестивальные песни. Фестиваль будоражит публику не только событиями музыкального характера, но и фактами из частной жизни звезд, которые пресса безжалостно, я бы даже сказала, смакуя, извлекает на свет божий и бросает на съедение читателю. При нехватке достоверной информации без всякого стеснения пускается в ход выдумка. Может показаться, что фестивали организуются, чтобы дать развлечение широким массам. Но это чисто внешне. Музыкальность народа лишь средство для достижения цели. А цель эта — деньги.

Фестивали устраивают студии по производству грампластинок. Каждый исполнитель представляет какую-нибудь студию. Участие в фестивале обходится в миллионы лир. Никого не волнует ни сам исполнитель, ни качество песни, которая становится просто товаром. Побеждает тот, кто больше вложит денег и сумеет наилучшим образом продать свой товар.

Как я уже упоминала выше, котируется только первое место. Может статься, что одна из песен, не вышедших в финал, будет потом самой популярной, но покупаются все же пластинки с записями финальных песен и, уж без всякого сомнения, песня-победитель. Ее полагается иметь, ее полагается знать.

Первая часть фестиваля осталась позади. Началось томительное ожидание решения жюри. Из пятнадцати исполненных в тот вечер песен примерно половина должна была войти в финал и продолжать борьбу за вожделенное первое место.

Мое отношение к итогам было довольно спокойным. В нем было больше, пожалуй, спортивного интереса. Я радовалась самой возможности участвовать во всемирно известном фестивале, услышать и увидеть многих звезд эстрады, съехавшихся сюда со всего света. Награда не была для меня вопросом жизни или смерти. Я с самого начала инстинктивно чувствовала, что в непрерывном столкновении интересов крупных фирм по производству грампластинок победа столь малозначительной студии, как КДИ, вряд ли возможна. Даже если бы исполняемую мной песню написал сам Орфей, одолжив мне вдобавок и свой голос.

Но для большинства участников решение жюри могло иметь существенное значение; вполне понятно, что, ожидая его, они очень волновались. Выход в финал означал повышение ставки за концерты, обеспечивал множество выгодных предложений, популярность, славу в течение целого года, вплоть до следующего фестиваля. А не войти в финал — значит получать более низкие, чем до той поры, гонорары, утратить популярность. Поэтому многие известные певцы вообще не принимают участия в фестивалях, предпочитая не рисковать.

После того как решение жюри было оглашено, Пьетро сообщил мне: «В финал мы не вышли, зато оказались в прекрасной компании». Никто из знаменитостей на этот раз в финал не вошел. За чертой остались: Далида, Дионна Варвик, Конни Фрэнсис, а также «Сонни и Шер»...

На другой день, утром, ко мне приехал потрясенный Фред Бонгусто. «Случилось ужасное несчастье,— сказал он, рухнув в кресло.— Сегодня ночью, после решения жюри, Луиджи Тенко покончил самоубийством». Утренние газеты немедленно разнесли известие о его трагической смерти.

Луиджи, узнав, что его песня не вошла в финал, вернулся в гостиницу и выстрелил себе в рот. Он пел им же самим написанную песню, и это была и по мелодии, и по тексту одна из самых лучших, достойных награды песен. Говорили, что Луиджи Тенко оставил письмо, в котором заявил, что не хочет больше жить в таком несправедливом и грустном мире. Раздались требования прервать фестиваль. Сан-Ремо кипел. Однако недолго. Фестиваль не только не прервали, но вскоре после похорон Луиджи уже праздновалась свадьба Жене Питнея. Свадьба носила явно показной характер, и я не уверена, что этот брак не был заключен в рекламных целях. Пышный свадебный прием состоялся на яхте, так, чтобы толпы людей ни на одну минуту не были лишены возможности наблюдать увлекательное зрелище. И лишь красный цветок, лежащий на тротуаре перед афишей Л. Тенко, напоминал о трагической, безвременной его кончине...

Следующая моя поездка на Апеннинский полуостров была намечена на июль. Сначала я должна была принять участие в фестивале неаполитанской песни, а потом записать в Неаполе свой первый долгоиграющий диск.

Оказалось, что XV неаполитанский фестиваль планируется прежде всего как телевизионное зрелище, и в этом качестве он должен быть безупречно отработан в соответствии с утвержденным сценарием. Каждый из трех вечеров должен был проходить не перед залом с публикой, а в зависимости от «фотогеничности» пленэра либо в прекрасном старом саду, либо в каком-нибудь дворце. Но все эти старые дворцы и сады — невинная затея в сравнении с главным требованием организаторов фестиваля. Впервые все фестивальные песни должны были исполняться под фонограмму.

У меня вообще не укладывается в голове мысль, как можно проводить фестиваль путем прослушивания песен, звучащих в студийной записи. Ведь при этом совершенно исключается непосредственное общение с публикой, творческий подъем певца, который мобилизует все свои возможности, чтобы показать себя с самой лучшей стороны. Спортсмены, к примеру, когда трибуны пустуют, показывают более низкие результаты. И такое новшество было введено на фестивале в Неаполе, где всякий вкладывает в пение всю душу и дарит ее публике вместе с мелодией!

Очень негативно оценили новшество и сами неаполитанцы. «С таким же успехом можно вынести на эстраду проигрыватель, поставить пластинку, а певец волен отправиться куда-нибудь посидеть за стаканчиком вина»,— услышала я горький комментарий продавца газет. Замечание вполне справедливое. Однако, невзирая на проявленное жителями Неаполя недовольство, все шло в соответствии с утвержденным планом.

Чувствую себя обязанной отметить, что выступление первой польки на неаполитанском фестивале снискало признание. Доказательством тому были многочисленные рецензии, где с похвалой говорилось о моем «истинно неаполитанском» стиле исполнения, а также — к великой моей радости и гордости — о «безупречном акценте прирожденной неаполитанки». Композитор и автор текста, сопровождавшие меня все время, пока продолжался фестиваль, тоже были довольны, что вручили мне свою песню...

В тот день оркестр закончил запись фонограммы, и с завтрашнего дня можно было начать записывать песни для моей долгоиграющей пластинки. Время, купленное у студии, истекало. Для того чтобы записать двенадцать песен, оставалось два с половиной дня. Этого должно было хватить. Я приходила немного пораньше, чтобы воспользоваться помощью, которую оказывали мне владелец студии, его жена и прежде всего швейцар — эти славные люди поправляли мое произношение. Они делали это очень охотно, искренне радуясь каждому верно произнесенному мной слову.

Похудевшая на несколько килограммов (в студии было жарко и душно, как в джунглях), уставшая до предела, но зато очень довольная, я на следующий день в пять часов утра выехала обратно в Милан. Я уже знала, что мне предстоит цикл концертов, организованных редакцией газеты «Унита», а также участие в трех телевизионных программах.

До предполагавшейся серии концертов мне предстояло получить награду, присуждаемую ежегодно в Виареджо са-

мым обаятельным, самым лучшим исполнителям. Торжественная церемония ее вручения соединялась с концертом. Среди получивших эту награду были также Катарина Валенте, Адриано Челентано, Рокки Роберто.

Для меня это выступление явилось генеральной репетицией перед моими сольными концертами. Я уже знала наперед, что они пройдут хорошо, так как публика в Виареджо принимала меня исключительно тепло. Скромность не позволяет мне сказать «восторженно».

От Форли, где состоялся мой первый и единственный концерт, организованный «Унитой», у меня осталось самое приятное впечатление. Это маленький городок, расположенный в гористой местности. Мы добрались туда к вечеру, после многочасовой езды в машине. Петь я должна была лишь около полуночи, а концерт проходил на открытом воздухе, поэтому хозяйка гостиницы одолжила мне свою большую, теплую шаль.

На площади были поставлены столики, стулья, скамейки, обращенные к маленькой, временной эстраде, где с трудом размещались пятеро музыкантов и солистка с микрофоном. Центр площади оставался свободным: для танцев. Между деревьями были натянуты бечевки, унизанные разноцветными фонариками.

На концерт пришли и стар и млад. Если уж по причине почтенного возраста — не ради танцев, то хотя бы посмотреть, посмеяться.

Мне предстояло исполнить двенадцать песенок, «вплетенных» в венок танцев. Когда я начала петь, танцы прервались, пары остановились, иные в той позе, в какой застали их первые звуки. Все лица повернулись ко мне. Я не обиделась бы, если бы они продолжали танцевать. Для Италии это естественно — здесь песня воспринимается прежде всего как танцевальная мелодия. Концерты редки, их заменили ныне телевизионные передачи. Но они слушали. Молодежь сгрудилась у эстрады — и тут начался «концерт по заявкам». Просили исполнить песни фестиваля в Сан-Ремо. Я знала несколько песен, и все пели вместе со мной.

Я была очень довольна своим первым концертом. Ближе узнала публику. Увидела ее реакцию на мое пение. На душе было хорошо, легко, радостно. Возникла уверенность, что так будет везде, что мне нечего опасаться.

Концерт закончился около часу ночи. Мы вернулись в гостиницу. Я устала. Ренато тоже был очень утомлен, ибо, как сам признался мне, накануне ночью ездил в Швейцарию. Из Швейцарии он вернулся домой уже под утро, после завтрака отправился за мной в Милан, и мы вместе приехали в Форли. Далее — репетиция, долгое ожидание, наконец, сам концерт. Так что устал он страшно, несмотря на свои двадцать лет. Тем не менее отказался от возможности переночевать в гостинице в Форли, где нам были приготовлены две комнаты: жаль было не использовать оплаченные номера в Милане...

Мы ехали по автостраде. Я много и громко говорила, не слишком даже себя к тому принуждая, поскольку вызванное концертом возбуждение держится обычно еще довольно долго. Часа два после выступления я не могу расслабиться, не способна заснуть. Думала также, что тем самым не дам задремать Ренато и мы благополучно доберемся до Милана. Внезапно нас несколько раз подбросило, затем наступила тьма и тишина.

Утром нашу машину заметил водитель грузовика. Машина была разбита вдребезги, и лишь красный цвет кузова напоминал о ее былой элегантности.

Ренато из машины не «вылетел», а я оказалась далеко от останков «фиата», отброшенная какой-то страшной силой.

Вызвали полицию. Нас привезли в больницу.

Я получила возможность сделать перерыв в своей биографии.

Перевод с польского Р. БЕЛЛО

ОТРЫВОК ИЗ ИНТЕРВЬЮ АННЫ ГЕРМАН СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТКЕ Л. СПАДОНИ

— Наверное, такое страшное «происшествие», как вы называете катастрофу, не могло обойтись без переоценки ценностей?.. Изменилось ли что-нибудь в вашем отношении к миру, к людям, к сцене?

— Мир я вижу теперь иначе, наверное, просто в других красках... Композиторы мне часто приносят очень хорошие песни, с глубоким смыслом, но мне не хочется их петь, потому что они грустные, а мне хочется петь о радости жизни, о любви, чтобы люди улыбались, но, конечно, иногда и всплакнули, потому что это очень очищает душу... Но не слишком часто. Все-таки радости и смеха должно быть больше...

И еще я хочу сказать, что человеку, конечно, очень нужна любовь близких, семейное счастье, но еще важнее найти свое место в жизни, которое даст возможность приносить пользу людям и без которого не сможешь жить. По-моему, это самое главное для того, чтобы быть счастливой.

— На концерте вы рассказывали о Леониде Телиге. Мне показалось, что вы о чем-то умолчали... не договорили о чем-то невеселом...

— Да, я не сказала, что он был уже болен, когда пошел в плавание, и знал об этом... А теперь его нет...

— Вы хотели, чтобы мы тоже знали и помнили о нем, да?

— Да, конечно...

— Как он вошел в вашу жизнь?

— Я считаю, что мне просто было подарено судьбой познакомиться с ним. Леонид Телига был мореплавателем, он обогнул земной шар на своей маленькой яхте «Опти», названной так от слова «оптимизм».

Мы познакомились довольно необычно. В журнале «Панорама», который выходит в Силезии, было напечатано интервью со мной, когда я возвращалась, так сказать, к жизни, и в той же «Панораме» рассказано и о его путешествии. Он прочел этот журнал где-то далеко, в Африке кажется, в польском посольстве, и, таким образом узнав о моей судьбе, прислал мне очень сердечное, теплое письмо, в котором писал о тех трудностях, которые встречаются ему в пути. «У тебя тоже трудный рейс — к здоровью,— писал Телига,— но держись, а когда я вернусь домой, мы обязательно встретимся».

Потом мы подружились, потому что это был человек, которого просто невозможно не полюбить, такой он был веселый, полный энергии, он вообще был очень добр к людям... У него была очень простая жизненная философия, о которой я часто вспоминала во время своей болезни. Он не ждал, когда придет счастливый день, а радовался любым мелочам. Каждый день он находил что-то, что доставляло ему радость, и был счастлив. Это давало ему силы встретить следующий день.

И вот теперь я бы хотела сказать, зная, что в эту минуту, когда мы с вами беседуем, есть очень много людей, у которых какое-нибудь несчастье, которые лежат в больницах: «Не унывайте и не отказывайтесь от помощи и сочувствия близких, потому что с ними легче победить и болезнь, и несчастье, и просто пасмурные дни, которые у каждого человека бывают. По-польски говорят: «Глова до гуры, кохани!» — «Выше голову, друзья!»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Э. М. САГАЛАЕВ, Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление Н. М. Неждановой
Технический редактор Н. А. Строева

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 11.12.84. Подп. к печ. 16.01.85. А00622. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2306.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Песни тех, фестивальных, лет...

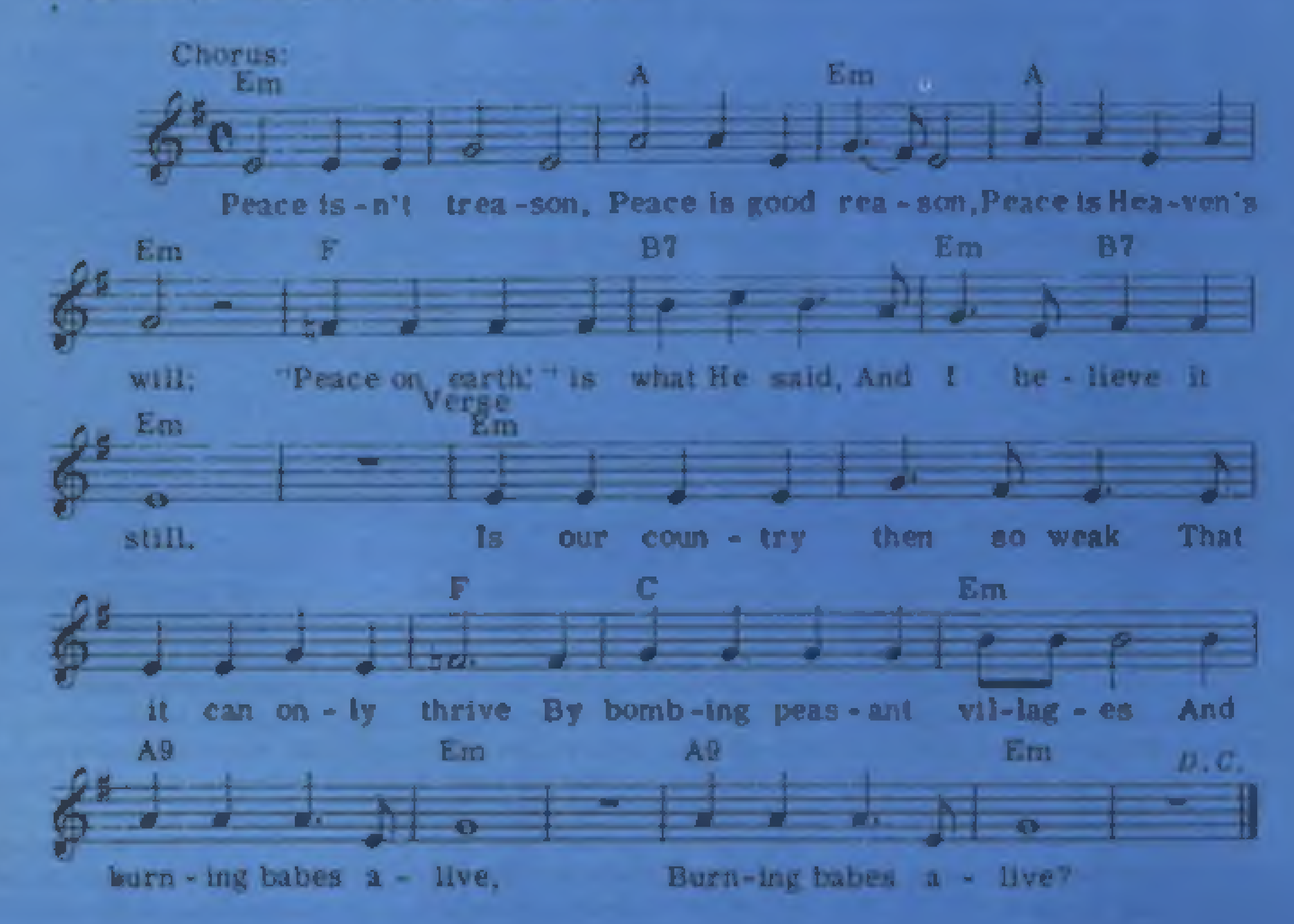
Знакомя наших читателей с песнями, которые пели участники Всемирных фестивалей молодежи и студентов (напомним, что «знакомство» началось с № 5 за 1984 год), мы уже публиковали одну песню американки Мальвины Рейнольдс, сатирический «Гимн корпорации РЭНД». Мальвина Рейнольдс принадлежит к поколению «фолкников» — так в шестидесятые годы в США называли тех, кто, основываясь на народных традициях, создавал острые, социальные песни «на злобу дня», песни, протестующие против того зла, что присутствовало тогда в каждодневной жизни Америки, убивающей своих сыновей в далеком Вьетнаме, что присутствует и сегодня в США, грозящих гибелью в атомной катастрофе всему миру. «Стремиться к миру — это не значит предавать свою страну. Стремиться к миру просто разумно, ведь, как говорится в Библии, даже бог рекомендовал людям жить в мире. И я верю в разум стремящихся к миру. Неужели наша страна такая слабая, что выжить она может только потому, что бомбит крестьянские дома и сжигает напалмом детей! Мы так горды своим богатством и силой: нашим богачам — денежки, нашим сыновьям — гробы... Разумные говорят о том, что война — зло, а неразумные, заслышав, что это зло, впадают в ярость. И вот наша страна вписывает еще одну кровавую страницу в книгу истории...» — говорится в этой песне Мальвины Рейнольдс.

Перед вами два значка из серии, посвященной XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Эскизы их разработаны художниками города Шахты Ростовской области, утверждены Советским подготовительным комитетом, и их выпуск уже начат. Значки этой серии увезут гости фестиваля в разные концы света, значки этой серии будут желанными для коллекционеров, а спустя несколько лет, взглянув на них, участники XII Московского скажут: «Вот это были дни...»

Peace Isn't Treason

Is our country then so weak
That it can only thrive
By bombing peasant villages
And burning babes alive?
Burning babes alive?
(Cho.)

Rich we are in everything,
Rich and strong and proud,
For our kings, the GNP,
For our sons, the shroud,
For our sons, the shroud.
(Cho.)

Wars there have always been,
We walk the same old way,
We walk the road our father's went
When they have gone astray,
When they have gone astray.
(Cho.)

When the voice of reason speaks,
Unreasoned voices rage,
And so we add another line
To history's bloody page,
History's bloody page.
(Cho.)

We must learn to live with peace
And take it as our friend,
We must learn to live with peace,
Or all the world will end,
All the world will end.
(Cho.)

Индекс 70781
Цена 35 коп.